

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 4 (4) 2025

**Луганск
2025**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ: Сборник научных трудов
Выпуск № 4(4) 2025

Основан в 2025 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель **ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»**

Редакционная коллегия:

Мазур Оксана Геннадиевна, д-р полит.н., доцент (**главный редактор**)

Агапова Елена Анатольевна, д-р филос.н., доцент.

Вартумян Арушан Арушанович, д-р полит.н., профессор.

Казаков Александр Александрович, д-р полит.н., доцент.

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит.н., профессор.

Панкратов Сергей Анатольевич, д-р полит.н., профессор.

Поцелуев Сергей Петрович, д-р полит.н., профессор.

Проскурина Елена Александровна, д-р полит.н., профессор

Проценко Александр Валерьевич, к-т полит.н., доцент.

Шепелев Максимилиан Альбертович, д-р полит.н., профессор, действительный член
Крымской академии наук.

Щедрова Галина Петровна, д-р полит.н., профессор.

П503 Политологические записки: сборник научных трудов.
№ 4 (4) 2025. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2025. – 130 с.

В сборнике публикуются материалы в области политических наук, где освещаются наиболее актуальные проблемы современного развития политических институтов и процессов в контексте мирового и отечественного опыта модернизации политической системы, политической культуры и идеологии.

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского государственного университета имени Владимира Даля (протокол № 11 от 26 апреля 2025 г.).

Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

© Авторы, 2025

© ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Волошинова Н. А. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ... 4	
Мазур О.Г., Христофоров К. С. ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ 21	21
Новиков А. А. ОДКБ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ.. 36	36
Орешкина М. А., Бирюк Т. П., Соколова С. Н. АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ..... 50	50
Попова Т. С. ИМИДЖ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА..... 62	62
Проскурина Е. А., Апанашенко О. В., Сундуков Д. Д. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭЛИТЫ В «ХУДШИЕ ВРЕМЕНА ИСТОРИИ»: КАРНАВАЛ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИРК И РЯЖЕННЫЙ В НАПОЛЕОНОВСКОМ БИКОРНЕ. 80	80
Симоненко Л. Ю., Хомутовская Я. Н., Червяк Ю. П. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА 97	97
Черкова М. Ю., Черков В. А. ПОЛИТИКА ДЕЗИНФОРМАЦИИ И РОЛЬ «ЦИФРОВОЙ ГИГИЕНЫ» В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ 113	113

УДК 323.2

Волошинова Н. А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Проведен компаративный анализ основных концептуальных подходов к определению содержания категории «легитимности», имеющих место в истории политической мысли, начиная от представлений о послушании власти в политической мысли Древнего мира до зарождения понятия «легитимность» в политической концепции М. Вебера, исследованы особенности осмысления данного феномена Х. Ортегой-и-Гассетом, С. Липсетом, Д. Истоном и т.д. Изучены видовые особенности легитимности, представленные современными разработками феномена признания политической власти.

Ключевые слова: легитимность, типы легитимности, традиционная легитимность, харизма, доверие, консенсус.

*«Легитимность — это не справедливость или право в абсолютном смысле; это относительное понятие, существующее в субъективном восприятии людей»
Ф. Фукуяма [10].*

Актуальность. Как утверждал известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, суть истории постигается с помощью понятий «легитимность» – «нелегитимность». Осмысление категории «легитимности» осуществляется как политической, так и другими науками в рамках гуманитарного знания. Поскольку легитимность – это явление социального характера, которое является следствием социальной природы человека и общежития индивидов, она

неразрывно связана с социологией и, безусловно, требует глубокого знания и понимания истории, являющейся экспериментальной лабораторией политики.

Вопрос организации человеческого сообщества всегда сводится к проблеме властных отношений, являющейся стержнем политической системы. И если суть власти, наполненность ее содержанием менялись на протяжении человеческой истории (возьмем, к примеру, исследование М. Фуко о содержании и формах власти), то неизменным оставался такой признак, как легитимность. Легитимность как признание и оправдание власти – это не только характеристика власти, это и необходимое условие ее существования, обеспечивающее такую составляющую власти, как отношения подчинения. Поэтому исследование легитимности, обретение которой является предпосылкой эффективного существования власти, является одним из важных аспектов исследования властных отношений.

Целью данной статьи является анализ содержания концепта легитимности с точки зрения основных подходов к ее пониманию.

Цель будет реализована через следующие задачи: рассмотреть основные подходы понимания легитимности; выяснить причины возникновения этого явления, его природу.

Объектом исследования является понятие легитимности, **предметом** - основные концепты, теории и подходы к осмыслению данного понятия.

Степень научной разработанности темы. Актуальность такой темы не оставила равнодушными американских, европейских и российских ученых XX в., в частности к ней обращались М. Вебер, Д. Истон, С. Липсет, Ч. Миллс, Х. Ортега-и-Гассет, С. Рябов, Ж. Л. Шабо и др. В нашей стране проблематике легитимности уделяют внимание множество ученых: анализ ключевых положений концепций легитимности содержит коллективная монография В.А. Ачкасова, С.М. Елисева, и С.А. Ланцова «Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе»; анализ соотношения категорий легитимности и эффективности власти в западной литературе дан в работах А.П. Цыганкова; соотношение категорий легитимности и легальности власти с точки зрения политико-

правового подхода исследовано А.В. Рябовым, В.Е. Чиркиным, обзор различных подходов российских ученых к проблеме легитимности содержится в работе А.И. Соловьева «Политическая власть в обзоре российских ученых» и т.д.

Результаты исследования. В научный оборот понятие легитимности ввел немецкий социолог и политолог Макс Вебер. Власть, по его мнению, – это комплекс идей и социальных отношений, которые основываются на легитимной угрозе применения силы. Основой легитимности служит подчинение законам, отношение к власти как к авторитетной инстанции. Люди, для которых она авторитетна, которым они добровольно передали часть своих властных полномочий, принимают все законы и нормы, исходящие от этой власти.

В общих чертах суть и содержание легитимности М. Вебер видел во внутреннем оправдании господства теми, над кем правят. Господство, в свою очередь, должно опираться на внутреннее послушание, которое можно мотивировать различными способами. Подчинение правителю «может обуславливаться простой заинтересованностью в том, чтобы слушаться и связано с рационально-целесообразным подсчетом соответствующих прибылей и убытков» или может быть основано «на обычной традиции, подсознательном привыкании к действиям», оно, наконец, может быть просто аффектным; это зависит от личности, проявляющей послушание, и от людей, кому это послушание нужно [5, с. 157].

Справедливости ради, следует отметить, что на проблемы послушания власти и признания власти наталкиваемся и в философской мысли предшественников М. Вебера. Например, акцент на легитимности как основном признаке власти и надлежащего поведения находим уже в IV – III веках до нашей эры в школе китайских легистов. Они в спорах с конфуцианцами требовали такого поведения, которое бы соответствовало Всемирной гармонии. Конфуцианцы настаивали на соответствии поведения людей установленным ритуалам, что позже М. Вебер назовет традиционной легитимностью. Конфуций говорил: «почтительность без ритуала приводит к суетливости; осторожность

без ритуала приводит к трусости; смелость без ритуала приводит к смуте; прямота без ритуала приводит к грубости».

Для Аристотеля, в отличие от древнекитайских философов, едва ли не самым главным условием существования власти и признания ее гражданами государства являлась законность: «ведь там, где отсутствует власть закона, нет места и для определенной формы государственного устройства. Закон должен господствовать над всем» [3, с. 108]. Что касается легитимности, то Аристотель скорее определял два вида нелегитимной власти. В первом – правление может быть получено легально (на основании закона и выборов), однако в управлении правительство будет использовать насилие и незаконные методы, таким образом, власть будет терять легитимность. Второй вид нелегитимной власти – это та власть, которая была добыта нелегальными методами, она будет оставаться нелегитимной, даже если будет использовать легальные методы управления.

Проблема легитимности власти как согласия с традициями, обычаями и установленными нормами поведения прослеживаются в противостоянии духовной и светской властей в средневековых западноевропейских государствах. Легитимность тогда толковалась как право и обязанность верховных правителей действовать согласно обычаям общества. Уже с середины XIV в. термин стал употребляться для обозначения правомочности верховной власти.

Н. Макиавелли подчеркивал, что есть два способа обрести власть: незаконно, силой завладеть престолом, или благодаря привязанности к властителю общины он делается государем своей страны [9, с. 415]. Однако независимо от того, каким образом добыта государственная власть, он подчеркивал, что властитель «должен уживаться со своими подданными так, чтобы его не заставляли меняться никакие обстоятельства – счастливые или несчастливые», и это является самым главным [9, с. 418]. То есть от признания гражданами властителя зависит его успех и продолжительность пребывания у власти. «Государь, посаженный на престол народом должен дорожить его приязню... Государю надо с народом жить в дружбе» [9, с. 420].

Т. Гоббс в «Левиафане» постоянно подчеркивает необходимость такого согласия. Именно такое согласие является предпосылкой образования политических институтов, установления политических ролей, выбора суверена, который станет гарантом сохранения прав и свобод граждан: «... для установления общественной власти необходимо, чтобы люди выбрали одного человека или несколько человек, которые были бы их представителями, чтобы каждый человек считал себя доверителем того, что носитель общего будет делать сам или заставит делать других с целью сохранения всеобщего мира и безопасности, и признавал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и убеждение убеждению носителя общей личности. Это больше, чем согласие или единомыслие» [6, с.196]. Это согласие в концепции Т. Гоббса является одноразовым актом, он считает, что таким образом установленный порядок не может быть нарушен, и напрасно сетовать на суверена, поскольку это означает сетовать на себя. Наличие верховной власти, которая однажды была признана, уже само по себе является большим благом. Концепция общественного договора Т. Гоббса предусматривает установление связи между сувереном и гражданами государства, которая заключается, со стороны суверена, в соблюдении прав и свобод граждан, а со стороны граждан – в признании и непротиворечивости существующему политическому и социальному порядку.

Дж. Локк в своем труде «Два трактата о правлении» подчеркивал необходимое согласие граждан в установлении политического строя. Но момент абстрактного согласия перерастает в формальное соответствие правящих лиц и их действий законам и традициям общества. Закон является единственным элементом, определяющим правомерность или неправомерность пребывания данного лица у власти: «тот, кто приобретает хотя бы часть власти иным путем, чем это предусмотрено законом сообщества, не имеет права на то, чтобы ему повиновались..., а соответственно не является тем лицом, на которое дал согласие народ». Закон является тем, что постоянно предусматривает власть правителя и повиновение подданного [8]. И здесь мы можем наблюдать довольно интересную трансформацию содержания легитимности – от

согласия и признания – к законности, то есть к обретению властью легальности. Это происходит вследствие понимания народа как источника и власти и закона. Народ признает власть, наделяет ее полномочиями править и создавать законы, подчиняется власти и закону и того же ждет от власти.

В XVII в. смысловое значение концепта легитимности в определенной степени отражалось в понятии «суверенитет», которое кроме определения единого субъекта власти на определенной территории, обозначения независимости светской власти от духовной, опиралось на признание политической и государственной власти обществом. Именно такое значение имел «суверенитет» в определении Ж. Бодена. Впоследствии И. Кант определял суверенитет как внешнюю независимость государства, признание его субъектом международных отношений, акцентируя, таким образом, на том, что на легитимность власти внутри государства значительное влияние оказывают факторы международной среды и внешней политики.

Сами же понятия «легитимность» и «легитимизм» возникли в начале XIX века. Они выражали стремление воссоздать во Франции власть короля, как единой законной, в отличие от власти узурпатора. Тогда же легитимизм приобрел и другой смысл - определение конкретной государственной власти и определенной территории на международном уровне. Требование легитимности власти возникло в результате реакции на насильственную смену власти и пересмотра государственных границ. Но потребность в легитимности формировалась задолго до Французской революции, в эпоху монархии, сословий. Она выражала осознание преимуществ общепринятого порядка над захватом власти силой, завоеванием, произволом и нарушением общепризнанных норм и, таким образом, легитимность власти определялась лояльностью граждан к ней.

Формулировка сути легитимности, в наибольшей степени соответствующая ее современному пониманию, принадлежит М. Веберу. К факторам, формирующим легитимность, ученый относил:

экономическую эффективность, производительность и производство системы экономических отношений, поддерживаемых

политическим порядком, способность политической системы удовлетворять повседневные потребности людей;

легальность, законность, соответствие действий власти собственноручно установленным нормам и законам;

традиции, тождество системы власти той культурной среде, в которой разворачивается ее деятельность;

харизму - веру в особые качества, призвание носителей власти; идеологическую и психологическую обусловленность.

М. Вебер выделил три «чистых» типа легитимности в зависимости от ее оснований: традиционную, харизматическую и рационально-легальную. Предложенная ученым типологизация легитимности оказала влияние на последующие исследования данного феномена: теперь эксперты изучали легитимность с точки зрения ее типа и факторов его обусловивших.

Дж. Стеффек, научный сотрудник Европейского университета, заслугу М. Вебера видит в том, что он выделил легитимность как факт и феномен социальной практики, благодаря которому граждане воспринимают отношения управления – подчинения. По его мнению, харизматическая и традиционная легитимность противопоставляются М. Вебером рационально-легальной. Два первых типа легитимности акцентируют внимание не на равенстве участников, а на их разъединении. Вождь и рядовой член общества имеют совершенно разные статусы, и, собственно, эта разобщенность, противопоставление делают возможным подчинение в такой политической системе. Покорность и послушание возникают в результате экстраординарности силы или духа. Дж. Стеффек называет эти два вида легитимности несущими «экстримную асимметрию», поскольку убежден, что правители, легитимизируемые на основании традиции и харизмы, сами не являются субъектами тех норм, которых вынуждены придерживаться другие члены общества, такая легитимность ни к чему не обязывает субъектов власти. Рационально-легальная легитимность, напротив, не персонифицирует субъекта власти, а потому не подразумевает никакой разницы между членами одного общества. Дж. Стеффек считает, что в современном мире тесной международной интеграции именно рационально-легальная

легитимность должна применяться для международного порядка. Предпосылками этого вида легитимности являются рациональные принципы и рациональная организация принятия политических решений в рамках рациональных политических институтов [15].

Российская исследовательница Т. Алексеева отмечает, что М. Вебером заложено основание «эkleктической легитимности», основой для которой является обсуждение гражданами политических процессов, происходящих в обществе [1, с. 110]. Тем не менее, она отмечает, что сегодняшняя дифференциация мира, отмирание традиционных и появление новых политических практик свидетельствуют о недостаточном уровне объяснения легитимности власти, исходя лишь из концепции М. Вебера, а потому предлагает ее расширить по вертикали и по горизонтали. По горизонтали, по мнению исследовательницы, к демократической легитимности следует добавить квазилегитимный тип, а также тотально нелегитимный. Что же касается вертикали, то будет уместно воспользоваться типологией, предложенной известным английским политическим философом Д. Хелдом, которая насчитывает семь вариантов легитимации: согласие под угрозой насилия; легитимность в результате традиции; согласие вследствие апатии; прагматическое подчинение (т. е. поддержка ради собственной выгоды); инструментальная легитимность (согласие, поскольку действующий режим может служить инструментом реализации идеи общего добра); нормативное согласие; идеальное нормативное согласие [16, с. 45].

Как истинную легитимность Д. Хелд рассматривает лишь последние два типа, когда в полном смысле слова осуществляется признание власти большинством граждан [16, с. 113].

Теория политической легитимности испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета (1883–1955) изложена в его труде на историческую тему – «Одна интерпретация мировой истории» (*Una interpretacion de la historia universal*) [14]. Данный труд представляет собой 12 лекций, посвященных, по словам самого Ортеги, «анализу жизни, превращенной в нелегитимность», который Ортега делает на основании «двух гигантских примеров нелегитимности, каковыми являются времена упадка Римской Республики и сегодняшние

времена». По мнению ученого причиной кризисных состояний государств является нелегитимность их политических режимов, преодолеть которую возможно лишь восстановлением легитимности [14, с. 117].

Анализируя исторические формы власти, которые формировались в Римской империи, ученый выделяет два типа легитимности:

монархическую легитимность, которую считает полной, первородной и образцовой, не требующей подтверждений или оправданий;

демократическую или несовершенную легитимность, которая является неполной и потому требует двойного оправдания: первоначального консенсуса в момент выбора власти народом, что является результатом субъективного коллективного волеизъявления и последующего объективного подтверждения эффективности избранной власти.

Легитимность покоится на фундаменте общих верований. Х. Ортега-и-Гассет считает, что политический консенсус всегда основывается на «общем полном веровании в определенное представление о жизни и мире» [14, с.35]. Таким образом, чтобы обеспечить в государстве подлинную легитимность, даже без формальной монархической власти, необходимо наличие нескольких элементов. Во-первых, нужны два минимальных условия, без которых невозможна даже неполная демократическая легитимность: действительное предварительное народное согласие (консенсус) и последующая эффективность самой власти, подтверждаемая результатами её действий. Затем необходимо политическое правопреемство путем сохранения изначальных монархических учреждений, даже после формального конца монархии.

Как отмечал Аристотель, политический строй или Конституция является основным элементом государства. Этот элемент фиксирует соотношение между остальными элементами государства, между властью, территорией, населением и верованиями этого населения. Политические кризисы происходят в том случае, когда нарушается конституционное соотношение между властью и народом, и его

верованиями. Коренной смысл политической легитимности Х. Ортега-и-Гассет видит в преодолении кризисов в отношениях между властью и народными верованиями.

Анализируя проблемы легитимности, европейский ученый Дж. Шаар отмечает, что большинство современных определений легитимности сводят ее к вере или же к суждению. Например, С. Липсет понимает под легитимностью «способность системы создавать и поддерживать веру в то, что имеющиеся политические институты являются наиболее адекватными в данном обществе» [1, с. 109]. Еще более краток Д. Истон, по мнению которого, легитимность – это «диффузия поддержки режима». В основе его теории лежит тезис, что главной причиной конфронтации в обществе является недостаточное количество благ-ценностей. Противостояние по этому поводу призвана урегулировать политика с помощью власти, пользующейся определенным авторитетом в обществе. В связи с этим, ученый рассматривает традиционное понятие легитимности в трех измерениях: идеологическая легитимность, структурная и персональная [7].

Идеологическая легитимность опирается на ценности и принципы, к которым апеллирует политическая власть. В общем смысле, идеологическая легитимность заключается в восприятии фундаментальных основ, на которых власть базируется и организуется в политическую систему, определяющих ее объем. Источником этой легитимности может быть как сама идеология, так и практическая деятельность, объективированное проявление господства; критерием легитимности является польза для общества, достигаемая благодаря легитимной идеологии. На практике, как считает Д. Истон, идеологическая легитимность распространяется на операционные аспекты осуществления власти [7, с. 629-635].

Основанием для структурной легитимности является убеждение в правомочности норм, регулирующих взаимоотношения между властью и обществом. Эти нормы должны не только предоставлять

обществу возможность влияния на власть и принятия политических решений через специально предназначенные для этого институты (референдум, народные инициативы и т.п.), но и признавать и регулировать право общества на формирование этих норм, в частности, через институт выборов, причем влияние на избранников не должно ограничиваться на протяжении всей каденции выполнения депутатом своих обязанностей. Принятие социального влияния для обеспечения социального порядка возможно, если политическая система сама действует по существующим нормам и тем самым становится легитимной. Нормы структурной легитимности определяют распределение властных полномочий в обществе, а также пути и способы достижения власти. По мнению исследователя, структурная легитимность должна быть синонимом к правовой политике.

Источником персональной легитимности является личное отношение окружения к индивидам, осуществляющим власть в пределах этой системы. В таком измерении легитимность возникает через авторитеты, уважаемые в обществе, способы политического поведения, а также в определенной степени самих индивидов. Несмотря на некоторую степень институционализации власти, Д. Истон считает, что в иерархической организации она никогда не будет полностью анонимной. Власть осуществляют люди, которые задействованы в государственном аппарате, эти люди придают власти человеческое лицо, вкладывают в нее свою личность, свой стиль.

Кроме того, ученый выделяет типы легитимности по времени ее действия (это диффузная и специфическая легитимность). Диффузная легитимность является общей, фундаментальной, долгосрочной. Такая поддержка режима базируется на аффектной, эмоциональной поддержке идей и принципов политической власти, независимо от результатов ее деятельности. Специфическая

легитимность - ситуативная, кратковременная. Она основывается на сознательной поддержке власти и проявлений ее деятельности [7].

Ж.-Л. Кермонн, французский исследователь, принцип легитимности прежде всего понимает как соответствие политической власти ценностям, на которые опирается режим, чью деятельность этот принцип обеспечивает, а также хотя бы в неявной форме отвечает народным стремлениям [17, с. 12 - 16]. Ж.-Л. Кермонн поддерживает теорию М. Вебера о трех идеальных типах существования легитимности: харизматическом, традиционном и рационально-легальном. По мнению исследователя, нередко эти типы существования легитимности объединяются и взаимно усиливают друг друга. В качестве примера он приводит принятие Конституции V Республики в 1958 году: личный престиж Ш. де Голля и два референдума 1961 и 1962 годов позволили главе государства решительно положить конец алжирскому конфликту. Однако эти формы легитимности могут и противоречить друг другу.

Ж. Л. Шабо, французский политолог, говорит о возможности демократической (опирающейся на волеизъявление тех, кем управляют), технократической (которая связана с умением властвовать) и онтологической (соответствие власти универсальным принципам человеческого и социального бытия) легитимности [12, с. 57 - 71]. Демократическая легитимность предполагает перенос на все общество индивидуальных механизмов принятия решения. Это своеобразное выражение свободной воли, в понимании, что коллективная воля происходит от проявлений индивидуального суждения. На практике - это применение простого арифметического принципа – принципа большинства. Технократическая легитимность связана с умением править, что обусловлено двумя параметрами: доступом к власти и содержанием процесса ее воплощения. Онтологическая легитимность основывается на определенных представлениях о социальной действительности и проектах ее

изменения. Онтологическая легитимность - это соответствие политической власти универсальным принципам человеческого и социального бытия.

Немецкий ученый Юрген Хабермас предложил другую концепцию легитимности. Он рассматривает проблему легитимности в контексте языковой легитимности в «пространстве дискурса между властью и общественностью». Автор рассматривает возможность построения такой модели коммуникации, в которой каждый субъект социума может (хотя бы теоретически) участвовать в решении общегосударственных вопросов и достигать при этом консенсуса. «Власть, – писал Ю. Хабермас, - может избегать проблемы легитимности в той мере, в какой система администрирования может быть независима от правового процесса формулирования ее воли» [11, с. 44].

Николас Луман, известный немецкий социолог-теоретик, поднимает проблему процедурной легитимации. В рамках социальной теории модерна Н. Луман развивает социально-исторический вариант правового позитивизма. В своей работе «Процедурная легитимация» он формирует концепцию легитимации политической системы в рамках своей системной теории, а также исследует те фундаментальные процессы, которые представляют правовой порядок. По его мнению, правовые процедуры принятия и поиска решений являются наиболее поразительным признаком политической системы современных обществ. Основания легитимности исследователь видит в консенсусе, то есть в общем признании решений, подтвержденных правовыми процедурами [13, с. 35-37]. Стоит отметить, что сами правовые процедуры тоже должны быть признанными. Но природа их признания заключается не в том, что они наиболее рациональны, а в том, что они являются собственным порождением системы, которая определенным образом организована.

Т. Лукман и П. Бергер источником легитимности и процессов ее обретения считают хабиитуализацию и типологизацию социальной действительности. Важнейшим достижением этих процессов является возможность предугадывать действия другого, взаимодействия между людьми. Следующим этапом в создании социальной действительности является институционализация. Социальные институты - это правила игры в обществе, точнее «придуманные людьми ограничения, которые направляют человеческое взаимодействие в определенное русло» [4, с. 18-22], они структурируют стимулы в процессе человеческого обмена. Любая институционализация включает роли, которые, в свою очередь, осуществляют контроль над ее прохождением. Следовательно, вместе с социальными институтами формируются социальные роли, с помощью которых институты отражаются в индивидуальном опыте. Играя определенную социальную роль, индивиды становятся участниками общества.

Содержание ролей и институтов передается следующим поколениям (собственно, тогда они и начинают восприниматься как роли и институты), и уже тогда им необходима легитимация. Под легитимацией Т. Лукман и П. Бергер понимают оправдание, обоснование необходимости и целесообразности существования институтов и ролей. По мнению исследователей, легитимация – явление социального характера, вытекающее из природы человека, ведь для нормального комфортного существования человека она из объективной должна перейти в субъективную, процесс такого перехода включает в себя легитимацию – постоянное признание, оправдание данного социального порядка.

Выводы. Как видим, понятие легитимности является очень широким по своему содержанию. Оно не может ограничиваться конкретными фактами нормативного характера. Легитимность - явление социокультурного характера, включающее в себя

ценностный аспект политического существования. По нашему мнению, под легитимностью следует понимать признание власти, оправдание ее механизмов, доверие к властным институтам и политической элите – реальным субъектам власти. Легитимность больше чем любой другой уровень интеграции политических институтов, ролей и общества в целом предполагает включенность личностного компонента в политические отношения, ибо содержание легитимации и заключается в объединении жизненного пространства отдельных индивидов с институциональным политическим порядком через придание ему субъективной значимости. Легитимность очень важна для современных политических режимов и поэтому требует детального изучения политической практики легитимности, способов ее достижения и удержания.

Список литературы

1. Алексеева, Т.А. Легитимность власти в переходный период / Т.А. Алексеева // Куда идет Россия?: сб. статей / Под ред. Т.Н. Заславской. М., 1997. 368 с.
2. Андрушкевич И. Хосе Ортега-и-Гассет: мысли о политической легитимности // Геополитика. ru. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/hose-ortega-i-gasset-mysli-o-politicheskoy-legitimnosti>
3. Аристотель. Политика Аристотеля / [Пер. с греч. яз., с примеч., с крит. исслед. о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами, содерж. в себе учение Аристотеля о праве и воспитании Н. Скворцова]. — Москва : Унив. тип. (Катков и К°), 1865. — ХСII, 369, [2] с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: „Медиум“, 1995. – 323 с.
5. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 85 с.
6. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т.– М.: «Мысль», 1974. Т.2. С. 7–265.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II: Зарубежная политическая

мысль. XX в. / Рук. проекта Г.Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997.– С. 629–642.

8. Локк Дж. Сочинения: В 2 т. – Москва, «Мысль», 1960. Т.2. – С. 5–156.

9. Макиавелли, Н. Государь; История Флоренции / Никколо Макиавелли; [пер. с итал. Н. Я. Рыковой]. - Москва : Эксмо, 2009. – 479 с.

10. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. - Москва : Изд-во АСТ: Полиграфиздат, 2010. - 588 с.

11. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. Общая редакция и вступительная статья О.В. Кильдюшов. Примечания, именной и предметный указатели Т.А. Дмитриев. — М.: Праксис, 2010. — 264 стр.

12. Chabot J. -L. Introduction a la politique. P.: Presses Universitaires de France, 1991, 222 p. 57 - 71

13. Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Neuwied / Berlin, 1969. 261p.

14. Ortega y Gasset José. Una interpretación de la historia universal. Madrid, 1960. 360 p.

15. Steffek Jens. The Power of Rational Discourse and the Legitimacy of International Governance // European University Institute. Badia Fiesolana. I – 50016 San Domenico (FI) Italy. URL: https://www.academia.edu/3561911/The_Power_of_Rational_Discourse_and_the_Legitimacy_of_International_Governance

16. The British Society Today / Ed. D. Held. Oxford, 1984.

17. Quermonne J.-L. Les régimes politiques occidentaux / Jean-Louis Quermonne. – Paris : Seuil, 1986. – (Points. Politique). 316 p.

***Волошинова Наталья Александровна**, к. экон. н., доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.*

SPIN-код: 7927-6360

***E-mail:** voloshinovanata@mail.ru*

Voloshinova N.A.

***A STUDY OF THE POLITICAL SCIENCE DISCOURSE
ON THE LEGITIMACY OF POLITICAL POWER***

A comparative analysis of the main conceptual approaches to determining the content of the category of "legitimacy" that take place in the history of political thought is carried out, starting from the ideas of obedience to power in the political thought of the Ancient world to the origin of the concept of "legitimacy" in the political concept of M. Weber, the peculiarities of understanding this phenomenon are investigated. Ortega y Gasset, S. Lipset, D. Easton, etc. Studied the specific features of legitimacy, represented by modern developments in the phenomenon of recognition of political power.

Keywords: *legitimacy, types of legitimacy, traditional legitimacy, charisma, trust, consensus.*

Voloshinova Natalia Alexandrovna, *candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*

SPIN-код: 7927-6360

E-mail: *voloshinovanata@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 30.10.2025

УДК 32.019.5

Мазур О.Г., Христофоров К. С.

ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

В статье анализируются концептуальные основы реализации информационной политики стран Северной Европы. Опираясь на ключевые индексы, которыми измеряется качество демократии, уровень развития свободы слова, уровень развития информационно-коммуникационных технологий, определено, что в пределах анализируемого региона лидерами являются пять стран – Исландия, Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия.

Доказано, что значительную роль в формировании современной и эффективной информационной политики сыграли правительства исследуемых стран, которые ещё в начале 1990-х годов утвердили концепции построения информационного общества и электронного правительства. Отмечена ключевая особенность информационной политики стран данного региона, а именно – её выраженная социальная направленность.

Ключевые слова: информация, коммуникация, информационная политика, информационный суверенитет, информационный продукт, электронное правительство, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Постановка проблемы. Сегодня информационная политика представляет собой одно из важнейших направлений государственной политики, которое можно рассматривать как инструмент политического влияния и средство достижения политических целей, поскольку субъекты информационной политики способны с помощью информации влиять на сознание, психику людей, их поведение и деятельность как в интересах

государства и гражданского общества, так и в собственных интересах. Учитывая современные темпы развития информационно-коммуникационных технологий, объём инвестиций и прибыли от их разработки и использования, можно говорить о высоком потенциале применения ИКТ с целью демократизации общественных отношений. Однако необходимо также учитывать риски, которые могут быть связаны с гиперболизацией технологического фактора. В целом тенденции научно-технического прогресса приводят, за небольшим исключением, к тенденции роста роли организаций. Следовательно, в современных обществах при высоком уровне развития ИКТ существует значительный риск возникновения и усиления тоталитарных тенденций [11]. Именно поэтому имеет смысл проанализировать опыт стран Северной Европы, которые успешно сочетают самые высокие темпы развития ИКТ в мире с прочными и стабильными механизмами сохранения демократии.

Цель исследования. Исходя из актуальности анализируемой проблемы, наличия успешного опыта применения ИКТ для повышения качества демократии, целью исследования выступает определение специфики построения информационной политики в странах Северной Европы.

Объектом исследования является информационная политика и процессы её реализации в странах Северной Европы.

Предметом исследования конкретные особенности, принципы, механизмы и результаты реализации информационной политики в контексте развития демократии.

Анализ исследований и публикаций. Современные исследования анализируемой проблемы можно условно разделить на три основных направления. К первой группе относим специалистов в области информационного общества – Д. Белла, М. Кастельса, У. Мартина, Ё. Масуду, Ф. Махлупа, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера, Ф. Уэбстера, Ю. Хаяши и др. Второй направление представлено

исследованиями проблем построения и реализации эффективной информационной политики, которые содержатся в работах В. Бебика, Й. Бернхардсена, Б. Канцелярука, Е. Макаренко, Ю. Нисневича, О. Оффердала, В. Попова, У. Ристе, К. Холкери. Последнюю группу составляют работы аналитиков в области особенностей построения информационной политики стран Северной Европы – Н. Антиюшиной, О. Варгановой, Т. Михайлюк, М. Мельник, Н. Ржевской [1, 5].

Изложение основного материала. Согласно составу макрогеографических регионов, географических субрегионов и отдельных экономических группировок, принятых в Организации Объединённых Наций, к странам Северной Европы относят Великобританию, Данию, Эстонию, Исландию, Ирландию, Латвию, Литву, Норвегию, Швецию, Финляндию [10]. В соответствии с Индексом демократии стран мира за 2024 год (The Democracy Index 2024, Economist Intelligence Unit) статус «полной демократии» имеют все вышеперечисленные страны. При этом лидерство в мировом рейтинге уверенно удерживают именно североευропейские государства: Норвегия (1-е место, 9,81 балла), Швеция (3-е место, 9,39), Исландия (4-е место, 9,38), Финляндия (6-е место, 9,30) и Дания (7-е место, 9,28) [2]. Западная Европа в целом демонстрирует наивысший региональный показатель (8,38), а скандинавские страны продолжают доминировать в первой десятке.

Другой важный показатель эффективной и демократически ориентированной информационной политики связан со свободой средств массовой информации, который ежегодно оценивается Reporters Without Borders в рамках World Press Freedom Index (Индекс свободы прессы). По данным рейтинга 2025 года, лидерство принадлежит Норвегии (1-е место), за ней следуют Эстония (2-е), Нидерланды (3-е), Швеция (4-е), Финляндия (5-е) и Дания (6-е) [3]. Абсолютно все страны Северной Европы входят в категорию

«хорошая ситуация» со свободой прессы и занимают верхние строки мирового рейтинга, подтверждая устойчивость демократических механизмов даже в условиях цифровой трансформации.

Следующим индексом, который является составным элементом оценки развития информационного общества, выступает Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index, IDI) Международного союза электросвязи (ITU) за 2025 год. Это комбинированный показатель, характеризующий достижения стран с точки зрения универсальной и осмысленной связности (доступ к ИКТ, использование и навыки населения). Страны Северной Европы традиционно занимают ведущие позиции в глобальном рейтинге: среди абсолютных лидеров — Дания, Исландия, Швеция, Финляндия и Норвегия, демонстрируя высочайшие показатели по всем трём компонентам индекса [4].

Таким образом, данные проанализированных рейтингов 2024–2025 годов подтверждают сохранение и укрепление демократических тенденций в странах Северной Европы благодаря интенсивному развитию информационных технологий. В процессе создания информационного общества эти страны остаются мировыми лидерами инновационного развития и значительно активнее финансируют сферу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), чем другие промышленно развитые государства. Например, в 2024 году Швеция (3,57 % ВВП) и Финляндия (3,22 % ВВП) выделяли ресурсы на НИОКР почти в 1,5–1,6 раза больше, чем в среднем по ЕС (2,24 %) [8].

Высокая отдача инновационной информационной политики в этих странах обеспечивается благодаря двум особенностям. Во-первых, она тесно переплетается с другими направлениями деятельности государства – социальным, инвестиционным, региональным, экологическим, образовательным, налоговым и другими. Во-вторых, в Северной Европе достигнут высокий уровень

развития кооперации между различными звеньями инновационной цепочки, что образует национальную инновационную систему. Это позволяет превратить науку и инновации в непосредственно производительную силу общества. По данным Европейской информационно-аналитической системы «Trend Chart», в современной Швеции среднее время для технологических нововведений почти в два раза короче, чем в Великобритании. Инновационная политика имеет высокий статус во всех североевропейских странах [1, с. 248].

Рассмотрим основные принципы информационной политики стран-лидеров Северной Европы – Исландии, Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии.

Опыт инновационной информационной политики Исландии начинается с 1996 г., когда на уровне правительственной программы Исландия определила глобальную цель своей информационной политики, заявив о надежде вывести страну в число мировых лидеров по использованию ИКТ для улучшения условий жизни людей и повышения благосостояния.

Для достижения этой важнейшей цели были сформулированы пять основных задач как основа представления о будущем:

1. Доступность информационного общества для жителей Исландии. Это предполагает, что его преимущества будут использоваться для укрепления демократии и повышения уровня жизни на благо общества и экономики Исландии. Информационные технологии будут применяться в инновационных разработках, в здравоохранении, науке, искусстве и других сферах повседневной жизни.

2. Обеспечение полной равноправности государственного и частного секторов в сфере информационных технологий и услуг. Используя информационные технологии, правительство будет способствовать получению доступа к государственной информации

и государственным услугам для того, чтобы обеспечить равный статус отдельным гражданам и компаниям независимо от местонахождения и финансовых возможностей.

3. Использование ИКТ для повышения конкурентоспособности экономики Исландии, увеличения объёма производства и распространения инновационной деятельности Исландии за пределы страны.

4. Адаптация образовательной системы к новой социальной динамике; в общем образовании основное внимание будет уделяться использованию преимуществ информационного общества, при этом будет обеспечено сохранение языка и культуры.

5. Законодательное и нормативное закрепление использования информационных технологий с целью содействия техническому прогрессу и обеспечения защиты прав отдельных граждан и компаний [6, с. 27-28].

Дания начала строительство информационного общества ещё в марте 1994 г., когда правительство Дании создало специальный Комитет, целью которого была подготовка программы «Информационное общество до 2000 года» [12]. В рамках этой программы предусматривалось выполнение следующих шагов:

- привлечение ИКТ во все сферы жизнедеятельности и на всех уровнях принятия решений;
- использование ИКТ в образовании: широкое использование ИКТ в образовательном процессе, повышение ИКТ-компетенций педагогов, применение систем дистанционного обучения в университетах;
- распространение электронной коммерции;
- поощрение электронного бизнеса;
- регулирование налогообложения в сфере электронной коммерции;
- создание системы электронного правительства;

- доступ к единой базе персональных данных;
- защита персональных данных;
- обеспечение доступа к коммунальным услугам;
- создание федеральных, региональных и местных интернет-ресурсов;
- создание единой телефонной справочной службы;
- создание новых интернет-сервисов.

Эффективная реализация данной программы привела к тому, что Дания является мировым лидером в развитии информационного общества и электронного правительства (1-е место в мире по Индексу развития электронного правительства ООН EGDI 2024 с показателем 0,9847) и одним из крупнейших экспортёров систем и решений в сфере цифрового государственного управления [9]. Сегодня действует новая правительственная стратегия Совместной цифровой стратегии правительства на 2026–2029 годы (Joint Government Digital Strategy 2026-2029) [7].

Основной целью действующей Совместной цифровой стратегии правительства на 2026–2029 годы (Joint Government Digital Strategy 2026–2029) является внедрение цифровых решений как единственного и обязательного способа взаимодействия между гражданами, предприятиями и органами власти. Стратегия направлена на создание единой, удобной и безопасной цифровой инфраструктуры, в центре которой находится система Digital Post — национальная цифровая почта, обеспечивающая юридически значимую коммуникацию. Граждане и компании обязаны получать и читать все официальные сообщения от органов власти исключительно в цифровом виде (с 15 лет — для граждан). Например, при смене места жительства, записи ребёнка в детский сад или получении нового паспорта все заявления подаются и обрабатываются онлайн через портал Borger.dk или мобильное приложение [7].

За счёт широкого спектра возможностей новая стратегия способна решить задачи по предоставлению электронных решений для государственного сектора. Она включает в себя 60 отдельных направлений работы, в том числе:

- приверженность и инвестиции в ИТ и цифровые учебные ресурсы для начального образования;
- план действий по распространению качественных и эффективных телемедицинских решений, таких как наблюдение за пациентами, страдающими диабетом, или хроническими заболеваниями лёгких. Это выгодно для больных, которые могут находиться дома в спокойной и комфортной обстановке, а также позволит сократить медицинские расходы;
- профессиональное обучение, с помощью которого можно будет обеспечить бизнесу более лёгкие пути роста.

Бюджет стратегии составляет примерно 57 млн евро, которые пойдут на реализацию программы электронного документооборота и на профессиональное обучение. Кроме того, правительство выделило 67 млн евро, а муниципалитеты – 134 млн евро на реализацию программы ИТ для школ.

Правительство Швеции в 1999 году приняло стратегию «Информационное общество для всех», в которой отмечалось, что центральные меры должны быть сосредоточены, прежде всего, на трёх областях:

- конфиденциальность в ИТ – каждый имеет право на конфиденциальность при использовании ИТ;
- компетентность в применении ИТ как условие основных навыков для всех граждан;
- доступность услуг информационного общества – выявление и использование информации, связь через ИТ [4].

Сам термин «информационное общество, основанное на знаниях» в данной стратегии используется, чтобы определять

«стадию, которая наступает после индустриального общества, где информация и знания составляют наиболее важный ресурс для создания национального благосостояния».

В отчёте Международного союза электросвязи «Измерение информационного общества» 2025 года Швеция сохраняет статус одной из стран с наиболее развитой сетевой инфраструктурой в Европе. Уровень проникновения Интернета превышает 96–97 %, что является одним из самых высоких показателей в Евросоюзе. Планы обеспечения 90 % домохозяйств и компаний широкополосным доступом на скорости не менее 100 Мбит/с полностью реализованы к 2020 году; в настоящее время акцент сместился на гигабитные скорости и повсеместное покрытие волоконно-оптическими сетями [4].

Такое высокое качество информационной политики и скорость внедрения ИКТ обеспечивает современная модель инновационного развития, которая основывается на так называемом принципе «тройной спирали» (Triple Helix Model). Этот принцип означает, что бизнес-структуры, университеты и государственные органы совместными усилиями стимулируют инновации в определённых сферах. Это приводит к поддержке региональных инновационных систем, которые, в свою очередь, дают толчок к развитию различных регионов Швеции, в том числе росту занятости, повышению уровня и качества жизни, улучшению экологической ситуации. Таким образом, цели общенационального и регионального развития оказываются тесно связанными и достигаются в рамках координации деятельности трёх ключевых игроков [5, с. 61].

Ведущую роль в производстве инноваций на всех уровнях возложено на Шведское государственное агентство инновационных систем – VINNOVA. Его главной целью является стимулирование социально-экономического роста и процветания на территории всей страны. Конкретная сфера ответственности этой государственной

организации заключается в том, чтобы финансировать те научные исследования, которые необходимы для развития конкурентоспособного бизнеса и индустриального сектора в целом, а также для процветания общества. Кроме того, необходимо формировать своего рода «сети» для выполнения поставленных агентством задач.

Таким образом, Швеция представляет собой успешный пример того, как информационная политика способствует повышению уровня демократизации общества, а также непосредственно и эффективно влияет на социально-экономический рост в стране.

Норвегия, которая является одним из информационных лидеров современности, начала формировать информационную политику ещё с середины 1980-х годов. В частности, в течение 1987–1990 гг. действовал «Национальный план действий в области информации», в 1994 г. был принят Закон «Об информационных технологиях в образовании», в 1997–1998 гг. усилия со стороны правительства были направлены на урегулирование электронной торговли. В 2000 г. Министерство торговли и промышленности Норвегии в сотрудничестве с 14 другими министерствами разработали план действий в сфере информационной политики, который получил название «eNorway». Этот план предусматривал основную цель – построение информационного общества в Норвегии и коррелировался с подобным планом, действовавшим в рамках Европейского Союза («eEurope»). «eNorway» существовала в двух версиях – «eNorway 1.0» и «eNorway 2.0». Принятием этой стратегии предусматривалось, что каждый гражданин получит доступ к новым технологиям, сможет повысить навыки общения с людьми, осуществить меры по расширению доверия между гражданами и гражданами и органами власти. Основная задача заключалась в том, что ИКТ должны быть безопасными и доступными для всех

независимо от уровня квалификации. Конкретизировалась эта программа в таких направлениях:

- обеспечение широкополосной связи в пределах всей страны;
- создание и эффективная деятельность системы электронного правительства, которая должна быть максимально прозрачной и полезной для рядового гражданина;
- применение ИКТ в бизнесе, образовании, медицинском обслуживании, общественном секторе [13].

Качественная реализация данной программы привела к тому, что Норвегия занимает первое место в рейтинге по Индексу демократии в мире (The Democracy Index 2024, Economist Intelligence Unit), 14-е место в мире в рейтинге сетевой готовности общества (Network Readiness Index 2025, Portulans Institute) и 15-е место в рейтинге качества электронного правительства (E-Government Development Index 2024, ООН) [2, 13, 9].

Последняя страна, которая будет рассматриваться, – это Финляндия. В отличие от своих стран-соседей Финляндия имела более сложные условия для построения качественной информационной политики и развития ИКТ. Это обусловлено особенностями территории, где сложно обеспечить техническую возможность подключения в отдалённых местностях. Также страна имела определённые проблемы социально-экономического характера, связанные с отсутствием полезных ископаемых. Именно поэтому правительство сделало акцент на развитие сферы научных исследований и ИКТ. И уже в 2025 г. Финляндия занимает 2-е место в мире в рейтинге развития ИКТ (ICT Development Index 2025, Международный союз электросвязи) с показателем 98,7 балла. Ещё в 1995 г. правительство приняло программу «Финский путь в информационное общество», а сегодня там действует стратегия «Цифровой компас Финляндии» (Finland's Digital Compass) с целями до 2030 года [4].

Эта концепция предусматривает постоянное накопление «капитала знаний» и сохранение передовых позиций в области технологий. Известная финская компания Nokia организовала инновационный центр по развитию электроники и информационно-коммуникационных технологий на севере страны в городе Оулу. Поскольку этот опыт оказался позитивным, позже здесь был создан ещё один инновационный центр экологической направленности. Развитию инноваций на севере Финляндии способствует региональная политика центрального правительства, перед которой была поставлена цель добиться относительного выравнивания северных регионов страны, которые ранее отставали по уровню экономического развития по сравнению с юго-восточными областями.

Выводы. В результате исследования особенностей реализации информационной политики в странах Северной Европы можно определить общие приоритетные черты, характерные для всех стран: обеспечение доступа к информации; создание национального информационного потенциала; использование информационных ресурсов в национальных интересах; создание общей системы охраны информации; содействие международному сотрудничеству в области коммуникации и информации; гарантии информационного суверенитета государства; развитие информационной инфраструктуры; разработка системы электронного правительства; повышение информационной грамотности населения; использование ИКТ во всех сферах жизнедеятельности социума – экономике, образовании, медицине и т. д. Реализация данных целей возможна через выполнение конкретных и последовательных шагов: привлечение частных инвестиций; содействие конкуренции; предоставление открытого доступа к сетям всем информационным провайдером и пользователям; внедрение гибких механизмов регулирования, которые приспособивались бы к быстрым

технологическим изменениям и рыночной конъюнктуре; обеспечение общедоступности услуг.

Выраженной спецификой североевропейской информационной политики является её чёткая социальная направленность, что позволяет реализовывать заложенный в ИКТ потенциал более эффективно. Другой характерной чертой является наличие консенсуса относительно неизбежности цифрового будущего со стороны ведущих политических акторов, вследствие чего происходит эффективное воплощение в жизнь декларированных принципов.

Список литературы

1. Антюшина Н. М. Северная Европа: переход на инновационное развитие / Н. М. Антюшина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2012. — № 2. — С. 244–251.

2. Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2024 : What's wrong with representative democracy? [Электронный ресурс]. — London : EIU, 2025. — Режим доступа: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2024/> (дата обращения: 10.03.2026). — Также доступен PDF: https://d1qqtien6gys07.cloudfront.net/wp-content/uploads/2025/03/Democracy_INDEX_2024.pdf.

3. Reporters Without Borders. World Press Freedom Index 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rsf.org/en/index> (дата обращения: 11.03.2026).

4. International Telecommunication Union. Measuring digital development : The ICT Development Index 2025 [Электронный ресурс]. — Geneva : ITU, 2025. — Режим доступа: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2025/> (дата обращения: 10.03.2026). — Также доступен PDF: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICT_MDD-2025-1-PDF-E.pdf.

5. Межевич Н. М. Инновационная экономика в регионе Балтийского моря / Н. М. Межевич, Т. К. Прибышин // Балтийский регион. — 2012. — № 3. — С. 59–72.

6. Национальная информационная политика: базовая модель / Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры ; [перевод с англ. А. Паршакова]. — М. : МЦБС, 2010. — 172 с.

7. Danish Agency for Digital Government. The Joint Government Digital Strategy 2026–2029 [Электронный ресурс]. — Copenhagen, 2025. — Режим доступа: <https://en.digst.dk/strategy/the-joint-government-digital-strategy/> (дата обращения: 09.03.2026). — Также доступен PDF на датском: https://digst.dk/media/oy4c42py/9742-digmin-digitaliseringsstrategi-2026-2029_6_web.pdf.

8. Eurostat. R&D expenditure [Электронный ресурс] // Statistics Explained. — 2025. — Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=R%26D_expenditure (дата обращения: 09.03.2026).

9. United Nations. United Nations E-Government Survey 2024 [Электронный ресурс]. — New York : UN DESA, 2024. — Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2024> (дата обращения: 07.03.2026).

10. Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings [Электронный ресурс] // Official Website of The United Nations. — Режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm#europe> (дата обращения: 05.03.2026).

11. Friedrich C. J. Totalitarian dictatorship and autocracy / C. J. Friedrich, Zb. Brzezinski. — Cambridge : Harvard university press, 1965. — 438 p.

12. INFO-SOCIETY 2000. Report from the Committee on the Information Society by the Year 2000. — Copenhagen, 1994. — 123 p.

13. Portulans Institute. Network Readiness Index 2025 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://networkreadinessindex.org/> (дата обращения: 12.03.2026). — Также доступен PDF: <https://download.networkreadinessindex.org/reports/data/2025/nri-2025.pdf>.

Мазур Оксана Геннадиевна, д. полит. н., доцент, профессор кафедры государственного управления Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 7378-7264

E-mail: oksanamazur1974@gmail.com

Христофоров Кирилл Сергеевич, ассистент кафедры государственного управления Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 9452-0631

E-mail: khristoforov.k@gmail.com

Mazur O.G., K. S. Khristoforov

**TRENDS AND RESULTS OF INFORMATION POLICY
IMPLEMENTATION IN THE NORDIC COUNTRIES**

The article analyzes the conceptual foundations of the implementation of the information policy of the Nordic countries. Based on key indexes that measure the quality of democracy, the level of development of freedom of speech, and the level of development of information and communication technologies, it is determined that five countries are leaders within the analyzed region - Iceland, Denmark, Sweden, Norway, and Finland. It is proved that a significant role in the formation of modern and effective information policy was played by the governments of the studied countries, which in the early 1990s approved the concepts of building an information society and e-government. A key feature of the information policy of the countries of this region is noted, namely– its pronounced social orientation.

Keywords: *information, communication, information policy, information sovereignty, information product, electronic government, information and communication technologies (ICT).*

Mazur Oksana Gennadievna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Administration Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 7378-7264

E-mail: *oksanamazur1974@gmail.com*

Khristoforov Kirill Sergeevich, assistant of the Department of Public Administration Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 9452-0631

E-mail: *khristoforov.k@gmail.com,*

Статья поступила в редакцию 23.11.2025

УДК 327.5

Новиков А. А.

ОДКБ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИИ

В статье исследуется роль Организации Договора о коллективной безопасности в обеспечении региональной безопасности Центральной Азии и её значение для национальной безопасности Российской Федерации. Рассматриваются ключевые направления функционирования организации, а также опыт реагирования на внутривнутриполитические кризисы. Обосновывается необходимость институционального совершенствования ОДКБ и расширения механизмов коллективной безопасности для укрепления региональной безопасности.

Ключевые слова: *ОДКБ, Центральная Азия, региональная безопасность, кризисное реагирование, международное сотрудничество, транснациональные угрозы.*

Актуальность. Центральная Азия давно стала одним из ключевых узлов евразийской безопасности, где сталкиваются интересы ведущих мировых держав. Для России этот регион имеет не только историческое и культурное значение, но и выступает важнейшим буфером, от которого зависит устойчивость южных рубежей, динамика миграционных потоков и уровень террористической угрозы. Нестабильность, возникающая в центральноазиатских государствах, отражается на российской внутренней и внешней политике в силу высокой плотности социально-экономических связей и масштабных миграционных потоков. В этих условиях возрастает роль коллективных механизмов

обеспечения безопасности, среди которых Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) занимает одно из ведущих мест.

Актуальность исследования определяется нарастающей нестабильностью в Центральной Азии, где усиливаются пограничные противоречия, растут риски проникновения экстремистских группировок, сохраняется воздействие афганского фактора и активизируется деятельность международных криминальных сетей, связанных с наркотрафиком. Ситуация в Ферганской долине, регулярные столкновения на таджико-киргизской границе, рост влияния внешних сил – всё это формирует поле потенциальных угроз, которые способны аккумулироваться и переноситься на территорию Российской Федерации. Именно поэтому изучение эффективности коллективных инструментов реагирования становится не только теоретической задачей, но и практической необходимостью. В последние годы внимание к ОДКБ усилилось: события в Казахстане в январе 2022 года продемонстрировали, что организация способна действовать оперативно, но одновременно выявили системные ограничения, требующие серьёзного анализа.

Цель статьи. Определить место и значимость ОДКБ в обеспечении региональной безопасности Центральной Азии и оценить влияние деятельности организации на национальную безопасность России.

Объект исследования. Процессы формирования и развития современных угроз безопасности в государствах Центральной Азии.

Предмет исследования. Инструменты, механизмы и практики ОДКБ по предотвращению и снижению рисков дестабилизации региона, а также их влияние на безопасность России.

Степень научной разработанности. Российские исследователи уделяют большое внимание роли России в Центральной Азии,

геополитическим интересам внешних акторов и вопросам региональной безопасности (Карпович О. Г., Добаев И. П., Курьлев К. П. и др.). Отдельные работы анализируют функционирование ОДКБ, её нормативную базу и военный потенциал, однако комплексные исследования, в которых деятельность организации рассматривается через призму этнополитического измерения региональной безопасности, встречаются значительно реже. За последние годы ситуация изменилась лишь частично: появление публикаций, посвящённых событиям 2022 года в Казахстане, расширило эмпирическую базу, но не сняло дефицит глубоких аналитических оценок.

Результаты исследования. Правовой статус и функциональное назначение ОДКБ определяются её Уставом, который закрепляет организацию как региональный механизм коллективной безопасности, ориентированный на совместное предотвращение угроз и стабилизацию обстановки на пространстве государств–участников [1]. Современные исследования подчёркивают, что за последние десятилетия ОДКБ прошла путь от договора о взаимной обороне к институционально развитой системе региональной безопасности. Так, исследователь Е. Д. Халевинская характеризует организацию как многофункциональную структуру, способную реагировать на широкий спектр угроз – от военных до политико-социальных. З. А. Кокошина обращает внимание на пространственную неоднородность ОДКБ, внутри которой формируются несколько зон безопасности, различающихся по характеру вызовов и уровню конфликтогенности [2, с. 31].

В этом контексте особое значение приобретает Центрально-Азиатский регион, который выступает наиболее уязвимым сегментом всей системы коллективной безопасности. Именно здесь концентрация этнополитических противоречий, пограничных споров и трансграничных угроз создаёт условия, требующие от

ОДКБ постоянной адаптации инструментов реагирования и превентивных механизмов.

Практическая деятельность ОДКБ в Центральной Азии стала ключевым индикатором реальной работоспособности механизма коллективной безопасности. За последние два десятилетия страны-члены ОДКБ стали уделять больше ресурсов для противодействия современным транснациональным угрозам. Это связано с высокой уязвимостью государств Центральной Азии из-за их географического расположения вблизи нестабильных регионов Южной Азии и Ближнего Востока. Они находятся вдоль так называемого «Северного маршрута», проходящего через Афганистан, по которому осуществляется масштабная транспортировка наркотиков в Россию и Европу. Террористические группы в регионе извлекают выгоду из наркотрафика и торговли людьми, используя эти средства для покупки оружия и подкупа пограничников. Кроме того, в Центральной Азии активно действует ряд экстремистских организаций. Географическое положение региона, близкое к Афганистану, позволяет террористам сохранять жизнеспособность за счёт торговли наркотиками и людьми. Эти организации включают: Исламскую партию сопротивления Таджикистана, Исламский джихадский союз (СИД), Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и ряд других. Особенно показателен случай в августе 1999 года, когда боевики ИДУ атаковали Баткенский район Кыргызстана, раскрыв неподготовленность стран региона к новым военным угрозам и необходимость поиска новых форм военного взаимодействия.

В ответ на эти угрозы были созданы несколько коллективных военных формирований. С мая 2001 года в рамках ОДКБ действуют Коллективные силы быстрого развертывания – по одному батальону от России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Это первый

опыт организации многосторонних сил в Центрально-Азиатском регионе.

4 февраля 2009 года лидеры стран ОДКБ на саммите в Москве одобрили создание Коллективных сил оперативного реагирования; согласно подписанному документу, они будут использоваться для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций [3, с. 24]. Кроме того, ОДКБ также поддерживает две другие коллективные силы: Коллективные миротворческие силы и Коллективные авиационные силы. Они выполняют более специализированные задачи: поддержание мира и проведение конкретных операций противовоздушной обороны [4, с. 181-182].

Одним из важнейших элементов практической активности стали ежегодные учения, включающие цикл мероприятий «Нерушимое братство», «Рубеж» и «Поиск». Их структура отражает понимание того, что угрозы безопасности давно вышли за рамки классических военных вызовов. На учениях отрабатываются антитеррористические операции, пограничное усиление, взаимодействие органов безопасности, киберзащита и логистическая координация. Многоэтапный сценарий позволяет моделировать сложные кризисы, которые могут возникнуть в Центральной Азии – от всплесков радикализма до попыток вооружённых групп пересечь государственную границу.

Только в 2024 году было проведено семь учений, включая: «Взаимодействие – 2024», «Нерушимое братство – 2024», «Поиск – 2024», «Эшелон – 2024», «Скала – 2024», «Кобальт – 2024» и «Рубеж – 2024», все из которых прошли на территории стран Центральной Азии – членов ОДКБ (Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) [4, с. 182].

Регулярные манёвры позволяют повышать совместимость вооружённых сил и спецподразделений государств-участников. Кроме того, практические мероприятия способствуют накоплению опыта взаимодействия на местности, учитывая особенности горных и степных районов Центральной Азии, а также специфику инфраструктуры в сопредельных зонах.

Отдельное значение приобретает опыт работы ОДКБ в ситуациях, связанных с внутренними кризисами государств-участников. Наиболее показательным примером выступила операция в Казахстане в январе 2022 года, когда организация впервые применила механизм коллективной помощи в условиях масштабного внутреннего кризиса. Коллективные силы оперативного реагирования были направлены в страну по запросу её руководства и играли роль стабилизирующего фактора. Их задачи включали охрану стратегических объектов, поддержку национальных сил правопорядка и создание условий для нормализации обстановки [5, с.243-244]. Участие ОДКБ в казахстанском кризисе стало подтверждением реальной функциональности механизма коллективной безопасности и продемонстрировало возможность сдерживания дестабилизирующих процессов без прямого боевого участия.

Значимым направлением деятельности остаётся борьба с трансграничной преступностью и наркотрафиком, исходящими из сопредельных районов Афганистана. На этом направлении организуются совместные операции органов безопасности, в которых отрабатываются меры по перекрытию каналов незаконного оборота оружия, наркотиков и переправки радикальных группировок. Эти механизмы показывают, что практическая деятельность ОДКБ способна охватывать широкий комплекс угроз, не ограничиваясь военно-силовой реакцией. Координация силовых

ведомств стран-участниц создаёт условия для формирования единого пространства безопасности на южных рубежах.

Отдельный пласт опыта составляют мероприятия по подготовке кадров и обмену профессиональными практиками. На этой основе формируется новое поколение специалистов, владеющих едиными методами работы в рамках коллективной безопасности. Это особенно важно в условиях усложнения структуры угроз, когда требуется не только техническая совместимость вооружённых сил, но и синхронизация аналитических подходов, оперативного планирования, системы коммуникаций [6]. Подготовка кадров становится ресурсом, способным обеспечить долгосрочную устойчивость механизмов реагирования.

Несмотря на накопленный практический опыт, деятельность ОДКБ в Центральной Азии сталкивается с рядом системных вызовов, которые ограничивают потенциал организации. Эти препятствия проявляются как в политическом, так и в институциональном измерении и напрямую влияют на способность объединения обеспечивать устойчивую безопасность в регионе.

Одним из наиболее существенных вызовов выступает политическая несогласованность государств-участников. Несмотря на формальные обязательства, страны демонстрируют разный уровень готовности к совместным действиям, особенно когда речь идёт о вмешательстве в острые кризисы. Национальные приоритеты доминируют над коллективными, что создаёт риск фрагментации. Пример армяно-азербайджанского конфликта показал, что отсутствие единой позиции внутри ОДКБ снижает доверие к организации со стороны её собственных членов [7]. Каждое государство стремится избежать вовлечения в конфликты соседей, что приводит к выборочной интерпретации союзнических обязательств.

Ещё одним ограничивающим фактором выступает зависимость эффективности ОДКБ от политической воли ключевых участников. При отсутствии согласованного импульса на самом высоком уровне даже продуманная институциональная структура остаётся недоработанной. Внешне это выражается в медленном принятии решений, длительных согласованиях и осторожности при запуске коллективных операций. Региональные лидеры предпочитают сохранять пространство для манёвра, избегая избыточной ориентации на ОДКБ в целях поддержания многовекторности. Это постепенно снижает воспринимаемость организации как безусловного гаранта безопасности.

Серьёзным вызовом остаётся ограниченность ресурсов. Коллективные силы располагают необходимым военным потенциалом, однако материально-техническая база, логистика, уровень оснащения и координационные механизмы требуют постоянной модернизации. Отставание в отдельных сегментах приводит к тому, что в реальных операциях основная нагрузка фактически перераспределяется на отдельные государства. На практике это означает, что именно Россия – как наиболее мощный и институционально развитый участник ОДКБ – вынуждена компенсировать ресурсные разрывы партнёров, обеспечивая ключевые направления логистики, снабжения, командования и стратегического планирования. Такая асимметрия усиливает ответственность России за устойчивость всей системы коллективной безопасности, поскольку любое ухудшение ситуации в регионе автоматически оборачивается дополнительными издержками и геополитическими рисками для российской национальной безопасности.

Дополнительным фактором, влияющим на снижение эффективности деятельности ОДКБ в Центральной Азии, выступает частичное функциональное пересечение региональных

интеграционных форматов. Государства региона одновременно вовлечены в широкий спектр многосторонних структур – ОДКБ, ШОС, СНГ, а также в многочисленные двусторонние соглашения в сфере обороны и безопасности [8, с. 1165-1166]. Такая институциональная многослойность не только усложняет процесс политико-стратегического планирования, но и приводит к объективному рассредоточению ресурсов. Кроме того, пересечение функциональных сфер организаций – прежде всего в вопросах обеспечения безопасности, противодействия терроризму и управлению кризисами – создаёт потребность в дополнительной координации между ними. Процесс согласования документов, процедур и мер реагирования в таких условиях приобретает затяжной характер, особенно когда речь идёт о ситуациях, требующих немедленных действий. В результате формируется институциональная фрагментация, препятствующая выработке единой стратегии коллективной безопасности и ограничивающая потенциал ОДКБ как основного механизма стабильности в регионе.

На этом фоне особенно отчётливо проявляется роль России как системообразующего участника ОДКБ. Нагрузка, возникающая в связи с институциональными ограничениями, политическими разногласиями и конкуренцией интеграционных форматов, в итоге выражается в необходимости для Москвы обеспечивать функциональную устойчивость всей архитектуры коллективной безопасности. Именно поэтому участие России в механизмах ОДКБ следует рассматривать не как политически мотивированный выбор, а как структурную необходимость, напрямую связанную с защитой национальных интересов на южном стратегическом направлении.

Одним из базовых преимуществ участия России в ОДКБ является возможность опереться на союзнические обязательства партнёров, что снижает вероятность возникновения вакуума безопасности в Центральной Азии. Для России стратегически важно,

чтобы приграничные к Афганистану государства сохраняли устойчивость, поскольку дестабилизация этого пояса немедленно затронет юг России через миграционные потоки, радикальные сети и нелегальную торговлю. Коллективные механизмы позволяют оперативно реагировать на такие угрозы и распределять ответственность между всеми членами организации. Это создаёт системный барьер для негативных сценариев, способных перекинуться на российскую территорию.

Существенную роль играет и военное измерение сотрудничества. Совместные учения, координация командных структур, обмен разведанными и формирование региональных группировок обеспечивают России возможность иметь инструмент раннего предупреждения. Наличие развитой системы взаимодействия позволяет своевременно выявлять угрозы, исходящие от террористических сетей, экстремистских организаций и криминальных группировок, функционирующих на стыке границ.

Отдельного внимания заслуживает гуманитарное измерение. Россия заинтересована в том, чтобы миграция из Центральной Азии оставалась управляемой и не превращалась в источник внутренней нестабильности. ОДКБ косвенно содействует этому процессу, предупреждая крупные конфликты, которые могли бы вызвать массовые перемещения населения. Более того, совместная борьба с экстремизмом уменьшает вероятность проникновения идеологических угроз, влияющих на социально-политическую обстановку внутри России. Сохранение устойчивости стран региона напрямую влияет на лояльность миграционных потоков и снижает риск радикальных настроений.

В конечном счёте значение ОДКБ для России заключается в поддержании стабильного стратегического окружения. Коллективные механизмы позволяют снижать вероятность возникновения вооружённых кризисов. Для России это особенно

важно, поскольку безопасность на южных подступах напрямую влияет на внутреннюю устойчивость, экономическое развитие и внешнеполитические возможности. ОДКБ остаётся инструментом, который позволяет формировать предсказуемую и управляемую систему региональной безопасности, создавая условия для укрепления российской позиции в евразийском пространстве.

В этих условиях особую актуальность приобретает анализ направлений дальнейшего институционального и функционального развития ОДКБ. Перспективы развития ОДКБ во многом определяются способностью организации адаптироваться к трансформации угроз и нарастанию нестабильности в Центральной Азии. Перспективным представляется формирование единых региональных центров ситуационного анализа и прогнозирования. Для России это откроет возможность институционализировать обмен разведывательной информацией, расширить систему раннего предупреждения и повысить эффективность борьбы с транснациональными угрозами. Такие центры могут стать базой для интеграции данных о миграционных потоках, радикальных сетях и трансграничной преступности.

Немаловажным представляется углубление военно-технической интеграции. Конкретной мерой может стать создание единого стандарта подготовки подразделений и развитие совместных производственных проектов в сфере беспилотных систем, связи и разведывательных комплексов. Это не только усилит обороноспособность союзников, но и снизит нагрузку на российские ресурсы, создавая более сбалансированную модель распределения ответственности.

Наконец, важное направление – укрепление пограничного измерения деятельности ОДКБ. Формирование коллективных мобильных групп по усилению рубежей с Афганистаном способно стать ключевым барьером для наркотрафика и проникновения

террористических группировок. Для России это означает снижение нагрузки на собственные правоохранительные структуры и повышение устойчивости внутренней безопасности.

Реализация указанных мер позволит повысить эффективность коллективной безопасности и создать более предсказуемое стратегическое окружение для России.

Выводы. ОДКБ остаётся ключевым механизмом обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии, сочетая военные, политические и антитеррористические инструменты, которые позволяют сдерживать транснациональные угрозы и снижать риск дестабилизации на южных рубежах России. Практическая деятельность организации – от учений до операций по стабилизации – демонстрирует её способность к оперативному реагированию, однако эффективность структуры ограничивается политическими разногласиями государств-участников, ресурсной асимметрией и институциональной фрагментацией. Для России участие в ОДКБ имеет стратегическое значение, обеспечивая раннее предупреждение угроз, предотвращение кризисов и формирование предсказуемого окружения. Повышение действенности организации требует углубления интеграции, модернизации коллективных сил и развития механизмов ситуационного анализа, что позволит укрепить общую архитектуру безопасности региона.

Список литературы

1. Устав Организации Договора о коллективной безопасности / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. – 26.04.2012 г. – Режим доступа: https://odkbcsto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_be_zopasnosti_/#loaded (Дата обращения: 04.12.2025).
2. Меликян Г. Г., Место и роль ОДКБ в процессе строительства региональной системы безопасности после распада СССР // Общество: политика, экономика, право. 2020. №6 (83). С. 31-35.

3. Искандаров А., Безопасность и интеграция в Центральной Азии: роль ОДКБ и ШОС // Центральная Азия и Кавказ. 2013. №2. С. 18-28.
4. Рахимов К. Х., Салимзода К. Х., Нгуен Ч., ОДКБ как пояс безопасности Центральной Азии в условиях новых вызовов и угроз // Вестник ТГУПБП. 2025. №2. С. 178-186.
5. Сысоева Р. В., Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. №2. С. 241-252.
6. Сидоров А. А., Военная наука для ОДКБ. В развитии военной составляющей ОДКБ задействован научный потенциал вузов и научно-исследовательских организаций Министерства обороны Российской Федерации // ВВО. 2018. №3 (12). С. 4-8.
7. Пегушина К. К., Проблемные аспекты деятельности ОДКБ на современном этапе // Право: история, теория, практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). 2017. – С. 136-138.
8. Щеколдина Т. И., ОДКБ как инструмент обеспечения военно-политических интересов России на пространстве СНГ: проблемы управляемости // Постсоветские исследования. 2019. №4. С. 1165-1173.

Новиков Алексей Алексеевич, аспирант 1-го (курса) года обучения кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля», г. Луганск.

E-mail: alex11n1@mail.ru

Novikov A. A.

***THE CSTO IN THE REGIONAL SECURITY ARCHITECTURE OF
CENTRAL ASIA: PRACTICAL EXPERIENCE, EMERGING
CHALLENGES, AND STRATEGIC IMPLICATIONS FOR RUSSIA***

The article examines the role of the Collective Security Treaty Organization in ensuring regional security in Central Asia and assesses its significance for the

national security of the Russian Federation. The study analyzes the core areas of the CSTO's functioning as well as its practical experience in responding to domestic political crises. The research substantiates the need for institutional modernization of the Organization and the expansion of collective security mechanisms aimed at strengthening regional stability.

Key words: *CSTO, Central Asia, regional security, crisis response, international cooperation, transnational threats.*

Novikov Alexey Alekseevich, Postgraduate (1st year), Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

E-mail: *alex11n1@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 18.07.2025

УДК 159.9.01

Орешкина М. А., Бирюк Т. П., Соколова С. Н.

АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В статье авторы обратили особое внимание на активность личности и трансформацию ценностей в информационном обществе, обусловленную влиянием разнонаправленной медиасферы и функционально-содержательной характеристикой воспитания человека. Современные геополитические процессы и во многом токсичная медиасфера, как показывает международная практика, во многом детерминируют экзистенциально-аксиологическую рефлексию субъекта и ценностную мозаику социума.

Ключевые слова: информационное общество; ценностные ориентации личности; воспитание человека; аксиологический компонент активности личности; трансформация ценностей; культура; архетипы.

Актуальность. Информационное общество сопровождается развитием обновленной системы коммуникаций, переводом базового массива информации библиотек и архивов в электронную форму, что позволяет осуществлять удаленный обмен информацией в глобальном масштабе в любое время [1, с. 46]. Глобальные процессы сегодня и политическая турбулентность инициируют в многополярном мире возникновение неформальных сообществ, имеющих неограниченный доступ к разноформатной коммуникации, которая изменяет социальную реальность и культурно-ментальные особенности личности.

Объект исследования: информационное общество.

Предмет: ценностные ориентации личности.

Цель: выявить ценностное отношение субъекта к социуму в период трансформации и определить степень архитипичности этих процессов.

Философско-методологическое содержание активности современной личности и трансформация ценностей определяется функционально-содержательными характеристиками деятельности многомерного человека, что связано с практико-ориентированным аспектом и быстрым изменением общественного ценностного калейдоскопа, детерминирующего культурный опыт субъекта социального действия. Определяющим стимулом, инициирующим ценностный компонент активности личности, является социальное действие, характеризующее отношение человека к обществу. Поэтому не случайно сегодня возникают вопросы, связанные с развитием фундаментальной идентификации личности, укреплением этнического своеобразия, культурной самобытности, консолидации нации, гарантированной стабильности в многополярном мире. Как показывает международная практика, в процессе своей жизнедеятельности, индивидуальное и общественное сознание изменяется, так как объективно происходит онтологическое внедрение в действительность симулякров, вытесняющих социальную реальность [2, с. 10].

Основная часть. Многомерный человек как субстанциональное функциональное явление реализует свои потенциальные возможности в процессе дифференцированной деятельности, обусловленной социальными факторами, общественно-политической, социальной-производственной, мотивацией и активностью, что характеризует личность как необходимый человеку и обществу созидающий трудовой ресурс. Имеется в виду, что субъективная деятельность является актуализированным ядром личности, которая синтезирует и объединяет эмпирические и

теоретические знания о социальной реальности, одновременно, раскрывая человеческую сущность в философском и психосоциальном контексте. Определяющим в данном контексте является решение поставленных государством задач, связанных с воспитанием человека как гражданина, патриота, ответственного труженика, примерного семьянина, признающего и последовательно реализующего государственную идеологию, сохраняющего историческую память, традиционные ценности [3].

Интерес к функционально-содержательным характеристикам современного человека как субъекта социального действия, в основном, ориентирован на аксиологический аспект многомерной и разновекторной экзистенции. Дифференцированный характер субъективной рефлексии, актуализированный с помощью ценностной призмы, определяется, как считают ученые, с помощью индивидуальной активности аксиологического компонента личности. Взаимосвязь субъекта и объекта, выступает смыслообразующим звеном и экзистенциальным маркером, определяющим феноменологию аксиологического компонента активности личности как разновекторного явления, достаточно сложного и неоднозначного в своем проявлении. Диспозиционная иерархия, фиксирующая субъектную рефлексию человека, приобретает особый смысл в отношении социальной регуляции, конституирующей общепринятые социальные нормы и правила поведения личности в информационном обществе. Выявление основополагающего аксиологического варианта, выступающего гуманным экзистенциальным ядром личности, связан социальным действием, инициативой субъекта, представляя собой нравственный императив деятельности человека. Ценностные ориентации личности являются актуализированной частью приоритетов субъекта, выражающие осознанные социально-экономические, культурно-политические, морально-нравственные особенности активно

действующего человека в социуме. Ценностное отношение субъекта к социуму может определяться целенаправленной деятельностью, включающей опосредованный, личностный характер, что чаще всего, ориентировано на аксиологический характер поисковой активности личностного и поведенческого компонентов. Ценностные ориентации личности определяют качественный состав субъектного воплощения смыслообразов, характеризующих многомерность аксиологического компонента активности личности, аккумулирующего мотивацию, смысловую нагрузку и установки, объективно связанные с триединством «ценность – субъект – активность», регулирующих и конкретизирующих содержательные характеристики жизнедеятельности человека. Личностные характеристики в таком контексте приобретают особую центробежную силу, связанную с регуляцией поведения человека, а аксиологический компонент конституирует активность личности в существующей социальной реальности и выступает структурообразующим элементом субъектно-объектных отношений в информационном обществе. Всем известно, что в информационном обществе сегодня доминирует брутально-агрессивная коммуникация, распространяющая зависимость между реальной жизнью человека, виртуальным, информационным насилием, которое аккумулировано в токсичной медиасфере и достаточно многозначно как по форме, так и по своему содержанию.

Трансформация ценностей, происходящая вследствие деструктивного влияния медиасферы, иногда провоцирует аксиологическую мозаику, хроническую агрессию, моральный скептицизм личности, которая вследствие социального страха находится в ситуации культурного шока. Видимо поэтому в многополярном мире нередко наблюдается, так называемый «эффект пингвина» и современный человек, акцентирующий

внимание на материализации своей жизни, в том числе, и духовной составляющей, на воспитании нравственных потребностей, как правило, не спешит действовать как альтруист, исходя из социальной потребности жить ради других, действуя через призму коллективного интереса (гармония общественной направленности субъективной рефлексии, личностного смысла).

Антропологическая составляющая бытия актуализирует архетипы как субъективное отношение к собственному поведению через призму долженствования, характеризующую необходимость свободы выбора личности, включающую корректировку установок, человеческих побуждений, самооценку возможностей, выступающих основанием нравственного сознания как наивысшей осознанной потребности в процессе реализации мотивационной составляющей, что также имеет отношение к архетипам как смыслообразующее начало, первичной форме и прообразу. Напомним, что в аналитической психологии К. Г. Юнга архетипы как структурные элементы, дополнены «коллективным бессознательным» или общечеловеческим основанием духовности человека, которое аккумулирует опыт, психические процессы и субъективные переживания личности. Так, архетип, как бессознательная форма восприятия основополагающих элементов общественного бытия, органично, имманентно вплетена в мироздание, что опосредовано бессознательным, объективной социальной ролью и субъективной рефлексией, воплощенной в «самости» целостного человека как синтеза гармоничного сочетания сознательного и бессознательного, личного и коллективного, внешнего и внутреннего, единство противоречивости существующей социальной и психической реальностей. Кроме этого, экзистенция личности конгруэнтна концептуальным построениям социальной преемственности поколений или функциональным межпоколенческим связям, включающим

национально-психологические, культурно-ментальные особенности национального характера, реализуемые в архетипах [4].

Ценностные ориентации личности проявляются в процессе свободного выбора, вследствие восприятия субъектно-альтернативной экзистенции, что имеет отношение к информатизации общества и результатам осознанной деятельности субъекта, характеризующееся интерпретацией социальной реальности как специфической рефлексии в условиях широкого распространения клипового мышления, которое не следует рассматривать исключительно в негативном ключе, по причине того, что оно выступает инструментом адаптации человека в определенных условиях, связанных с особенностями коммуникации и потребления информации [5, с. 71].

Активность личности и трансформация ценностей связаны с воспитанием человека в информационном обществе, которую можно представить в различных ипостасях: как многосложный, целенаправленный процесс (контекст, интерпретация события, объективированная переориентация индивидуального сознания как психологическая защита) и как основополагающую функцию (сценарии поведения), обозначающую связь субъектов при условии соблюдения, общепринятых моральных норм, способствующих реализации личностных установок в процессе жизнедеятельности (самооценка, самовыражение, саморазвитие, саморегулирование, самообразование, самовоспитание, самоактуализация личностных ресурсов). Результативность воспитания человека определяется разноформатным влиянием социальных институтов на общество, а также ценностно-ориентированной характеристикой личности, созидательным трудом субъекта для своей страны [6, с. 279]. Воспитание нацелено на передачу общественно-исторического опыта в процессе целенаправленного влияния на индивидуальное и общественное сознание с целью сохранения исторической памяти,

традиционных ценностей, обеспечивающих ответственное, социально значимое и безопасное поведение субъекта, ориентированного на духовность и культурный код нации, а также на усвоение общепринятых экзистенциальных образцов [7, с. 428]. Можно с большой долей уверенности сказать, что воспитание как ценностно-ориентированная и объективированная общественными отношениями деятельность человека характеризуется позитивно-аккумулирующим влиянием на социум через призму традиционных ценностей, систему национального образования, аккумулированных и закреплённых в культурном коде. Акцентуация на общепринятых в конкретном обществе ценностях, которые реализуются в культуре, позволяют сформировать наиболее адекватную оценку деятельности личности, реализовать государственный интерес, ориентированный на сохранение традиционных ценностей как фундамента для консолидации общества [8, с. 27].

В связи с этим, надо учитывать тот факт, что современная коммуникация и медиакоммуникация являются наиболее эффективным видом социальных взаимодействий особенно в период десинхронизации общественных отношений, которые характеризуются трансформацией ценностей вследствие влияния токсичной медиасферы. При постоянном увеличении объемов информации в информационном обществе, часто происходят деструктивные процессы: территориальное обособление субъектов, групп на основании не только общественных, этнических, гендерных, расовых особенностей, но и в результате реифицирования и сегрегации ценностей, детерминирующие ценностный формат модели поведения современной личности. В результате такой трансформации в социуме начинают доминировать искусственные стереотипы, влияющие на семантическую константу субъекта, ценностные ориентации личности, определяя поведение и аксиологическому компоненту активности личности, реализуемый с

учетом нарастающего многообразия ценностного калейдоскопа в многополярном мире, который обусловлен функционально-содержательной характеристикой воспитания современного человека, а также фундаментальным ядром человека и совокупностью общественных отношений, реализующихся в многообразной субъективной деятельности. Так, сейчас распространение реифицирования в медиасфере создает условия для появления системного информационного насилия, что, в свою очередь, обуславливает возникновение у современного человека депрессии, неврозов, суицидов, что также связано с трансформацией ценностей, а иногда потерей смысла человеческой жизни [9, с. 88].

Выводы. В общемировой аксиологической эклектике особенно востребованным становится динамично изменяющаяся под влиянием медиасферы трансформация ценностей, связанная с активностью личности, трансформацией ценностей и воспитанием человека в информационном обществе. Культура как особое явление представляет собой специфическую форму реализации аксиологического единства, гармоничного личностного и общественного экзистенциального воплощения генерируемых субъектом (субъектами) смыслообразов как руководству к действию, в том числе, на основе антропологических констант и архетипов с целью воздействия (преобразования) на социальную реальность. Действительно, имеется достаточно свидетельств тому, что личность как субъект культурной деятельности в процессе социализации активно воплощает в жизнь свои ценностные ориентации, а интенсивное развитие современных технологий, интеграция и культурная диффузия (синтез разнообразных элементов одного социума в другие сообщества), инициирует формирование культурных универсалий как архетипов, имеющих отношение к субъективному семантическому пространству и духовной жизни человека. Современные разноформатные

общемировые тенденции, а также токсичная медиасфера во многом детерминируют экзистенциально-аксиологическую рефлексию личности и трансформацию ценностей. Исходя из вышеизложенного, в первую очередь надо актуализировать объективность информации, влияющей на активность личности, трансформацию ценностей в информационном обществе, обусловленную влиянием токсичной медиасферы и функционально-содержательной характеристикой воспитания современного человека. Кроме этого, необходимо сделать акцент на достоверности и степени архитипичности информации в сети, массмедиа, что позволит реализовать наиболее актуальные механизмы совершенствования коммуникации между социальными институтами, средствами массовой информации, общественностью для регулирования рекламной деятельности, мониторинга и динамично обновляющегося информационного потока в современных реалиях.

Список литературы

1. Коваленя, А. А. Гуманитарное знание: вызовы времени / А. А. Коваленя // *Беларуская думка*. – 2025. – № 3. – С. 46–52.
2. Серкова, В. А. Принципы идентификации: культурная основа и вариативность / В. А. Серкова // *Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим; коллективная монография* / отв. ред. Т. А. Сенюшкина; научн. ред. Е. А. Сенюшкин. – Симферополь, 2022. – С. 9–29.
3. Соколова, С. Н. Духовная безопасность личности в информационно-образовательном пространстве. Монография. – Минск : РИПО, 2025. – 213 с.
4. Орешкина, М. А. К вопросу архетипа суицидального поведения / *Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского государственного университета имени Владимира Даля. Спецвыпуск № 1*. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2023. – С. 160–170.

5. Чуркина, Н. А. Цифровое поколение: повышение познавательной активности обучающихся при клиповом мышлении / Н. А. Чуркина // Педагогика. – 2025. – № 4. – С. 70–77.

6. Соколова, С. Н. Воспитание и духовная палитра человека в информационном обществе / Зборнік навуковых прац Акадэміі адукацыі. Вып. 22 / рэдкал. : І. А. Старавойтава (гал. рэд.) [і інш.] ; ДУА «Акадэмія адукацыі». – Мінск : Акадэмія адукацыі, 2025. – С. 279–287.

7. Томильчик, Э. В., Соколова, С. Н. Духовность человека и воспитание безопасного типа личности в информационном обществе / Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: материалы Второй международной научно-практической конференции (5–7 июня 2024 года): в 2-х ч. Ч. 2 / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов. – Москва: Издательский дом УМЦ, 2024. – С. 428–431.

8. Егоренко, Е. Е., Соколова, С. Н. Традиционные ценности белорусского народа как фундамент консолидации общества / Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума «Научный диалог: теория и практика» (г. Москва, 27 февраля 2025 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. – Москва: Издательство Инфинити, 2025. – С. 27–32.

9. Воронюк, Д. С., Соколова, С. Н. Media sphere and youth values in information society / Proceedings of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” - Reports in English (April 26, 2024. Beijing, PRC). – P. 88–92.

Орешкина Марина Александровна, кандидат исторических наук, профессор Российской академии естествознания, г. Луганск.

SPIN-code: 2517-1252

E-mail: fid04@ya.ru

Бирюк Татьяна Петровна, начальник управления организационно-методического сопровождения образовательного процесса центра планирования и информационного сопровождения, Государственное

учреждение образования «Академия образования», г. Минск, Республика Беларусь.

SPIN-code:

E-mail: fid04@ya.ru

Соколова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор и член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор кафедры психологии, содержания и методов воспитания, Государственное учреждение образования «Академия образования», г. Минск, Республика Беларусь.

*SPIN-code:*9593-4746

E-mail: fid04@ya.ru

Oreshkina M. A., Biryuk T. P., Sokolova S. N.

***PERSONALITY ACTIVITY AND TRANSFORMATION OF VALUES:
PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL CONTENT***

In the article, the authors paid special attention to the activity of the individual and the transformation of values in the information society, due to the influence of a multidirectional media sphere and the functional-content characteristic of human education. Modern geopolitical processes and a largely toxic media sphere, as international practice shows, largely determine the existential-axiological reflection of the subject and the value mosaic of society.

Keywords: *information society; value orientations of the individual; human education; axiological component of personality activity; value transformation; culture; archetypes.*

Oreshkina Marina Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Lugansk.

SPIN-code: 2517-1252

E-mail: fid04@ya.ru

Biryuk Tatyana Petrovna, Head of the Department of Organizational and methodological support of the educational process of the Center for Planning and Information Support, State Educational Institution "Academy of Education", Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: fid04@ya.ru

Sokolova Svetlana Nikolaevna, Doctor of Philosophy, Professor and Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Psychology, Content and Methods of Education, State Educational Institution "Academy of Education", Minsk, Republic of Belarus.

SPIN-code:9593-4746

E-mail: fid04@ya.ru

Статья поступила в редакцию 03.11.2025

УДК 32

Попова Т. С.

ИМИДЖ КАК ОТОБРАЖЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

В данной статье исследуется имидж современного политического деятеля как многогранное явление, которое во многом раскрывает глубинные аспекты его личности. Проводится анализ разнообразных концепций, касающихся восприятия и создания имиджа в рамках политической науки и психологической теории. Чтобы добиться успеха, необходимо комплексно применять различные методы и инструменты создания имиджа. Среди них – разработка убедительной имиджевой легенды, работа над внешним обликом, совершенствование ораторских навыков, контроль над языком тела, а также продуманные поступки и публичные выступления. В наши дни формирование образа – неотъемлемый аспект деятельности любого политического деятеля.

Ключевые слова: *имидж, политическое лидерство, личность, управленческий стиль, харизма, ораторское искусство, личностные качества.*

«Счастлив тот, кто обладает от Бога привлекательным имиджем. Но, как правило, многие обретают симпатии людей благодаря искусству самопрезентации. Без него не достичь крупных успехов в любой деятельности, не достичь радости человеческого внимания...»

В.М. Шепель

Актуальность. Имидж как одна из форм восприятия человеком окружающего мира и социальных реалий, присутствовал в жизни общества на протяжении всех этапов его эволюции. Но научная дисциплина, изучающая имидж, возникла лишь в определённый

исторический момент – когда локомотивами общественного прогресса стали информационные и телекоммуникационные технологии. Понятие «имидж» претерпело значительную эволюцию, и со временем его начали активно применять в политической сфере – для описания характеристик политических лидеров и партий.

Анализ современных электоральных процессов выявляет любопытную тенденцию: взоры избирателей всё чаще устремлены не на политические доктрины и программы, а на личные качества кандидата. В некоторых случаях обаяние и харизматичность политика способны оказать большее влияние на выбор избирателей, чем детали его предвыборной программы.

В профессиональной среде для описания этого феномена используют термин, позаимствованный из лексикона разведчиков: кандидат предстаёт перед электоратом со своей «легендой», тщательно выстроенным имиджем.

По мере того как учёные углубляются в изучение механизмов формирования имиджа, на первый план выходят инновационные политические технологии — PR, имиджмейкинг, маркетинговые и управленческие стратегии. Однако общество вправе быть в курсе не только общепринятых методов создания имиджа, но и тех нестандартных, порой спорных практик, которые помогают одержать победу на выборах. В нынешних условиях в России складываются обстоятельства, способствующие бурному развитию разнообразных методов воздействия на общественное мнение, которые в период предвыборной гонки нередко берут верх над другими аспектами политического процесса.

Методы исследования. Прежде всего, осуществляется детальный обзор научных трудов – как российских, так и зарубежных авторов, основой стали общие и специальные методы, которыми пользуется современная теоретико-правовая наука, современные общетеоретические взгляды на формирование имиджа

политического лидера. Благодаря комплексному применению данных методов удаётся не только упорядочить уже имеющиеся знания, но и обнаружить актуальные тренды, характерные для современных политических лидеров.

Объектом исследования в данной работе является имидж современного политического лидера.

Предметом исследования выступает механизм формирования оптимального имиджа политического лидера, в котором адекватно отражаются разнообразные политические предпочтения и стремления граждан с учетом существующего уровня политической культуры и политического сознания.

Цель исследования – исследование особенностей и путей формирования имиджа современного политика.

Степень научной разработанности. В области современной политической науки пристальное внимание уделяется исследованию имиджелогии и трансформации российского общества. Научные труды, освещающие эти аспекты, представлены в большом количестве. Тем не менее, несмотря на обилие исследований, посвящённых феномену политического лидерства, многие аспекты политических технологий всё ещё остаются в тени научного анализа. Особенно дефицитны работы, которые целенаправленно анализируют имидж политических фигур.

Существенный вклад в развитие теории и практики имиджелогии внесли исследования зарубежных учёных. Среди них можно назвать таких мыслителей, как Дж. Барбер, Б. Брюс, М. Маклюэн, Р. Итвел, Д. Моррис, М. Пансер, Р. Прайс, Э. Хоффер, П. Уильяме и ряд других исследователей. Особую ценность представляют труды, в которых личности политических деятелей рассматриваются через призму политологических теорий.

Имидж – это не только составляющая личности, но и значимый элемент восприятия целых государств, территориальных

образований и политических партий. Данной проблематикой занимаются такие исследователи, как Э. А. Галумов, К. С. Идиатуллина, И. А. Козиков, В. Я. Мустафин, В. М. Юрченко и И. В. Юрченко. Особенности формирования имиджа политических партий освещены в трудах Т. Э. Гринберг, А. В. Кынева, Р. Ф. Матвеева, Г. Г. Почепцова и Н. Н. Седых. Тем не менее, вопрос о том, как взаимосвязаны имидж современного политика и имиджи государства, региона или партии, пока остаётся недостаточно разработанным.

В современном политическом пространстве значительное внимание уделяется методам создания и продвижения имиджа. Глубокий анализ актуальных направлений и проблем в данной сфере проводят многие исследователи, среди которых – А. В. Васищева, А. В. Ненашева, А. Л. Соловьёв, Д. В. Ольшанский, В. Ф. Пеньков, Т. Э. Гринберг, А. А. Вилков, О. И. Карпухин, П. Я. Мешков, О. А. Феофанов, В. И. Шалак и другие специалисты.

Результаты исследования. Современный политик – это квалификация индивида, который обладает определённым уровнем компетентности в сфере политики, понимает свою уникальность и место в социуме, а также в политическом пространстве. Его деятельность представляет собой комплекс активных шагов и взаимодействий, нацеленных на реализацию конкретных политических задач.

Чтобы определить, кто из политических деятелей может считаться лидером, важно в первую очередь проанализировать, насколько весомо их влияние на политический процесс и вектор развития общества. «Вместе с тем расстановка сил в правящих кругах может сложиться таким образом, что даже глава государства в значительной мере оказывается номинальным политическим лидером, а фактическая власть сосредоточивается в руках других политических лиц» [1].

В иерархически организованном обществе человек обретает возможность влиять на политический курс и принимать значимые решения, заняв определённое положение – например, став членом правительства, депутатом законодательного органа или руководителем политической организации. Это наводит на размышление: кто же в действительности выступает в роли носителя политической власти? В самом общем смысле таковым можно считать господствующий класс, в руках которого сосредоточены ключевые ресурсы, в том числе средства материального производства. Превосходство этого класса прослеживается во всех сферах социума – в экономике, политике и сфере формирования общественного сознания.

В современном обществе власть реализуется не напрямую представителями господствующего класса или коалиции социально-политических сил, а через особый слой людей – тех, кто сделал политику своей профессией. Именно эта группа обладает правом формировать политический курс страны, принимать ключевые решения и определять законодательные инициативы. В российской политологической традиции такой слой принято именовать правящей элитой.

Важнейшую часть правящей элиты составляет политическая элита, в которую входят главы государства, лидеры доминирующих политических партий и движений, а также активные участники парламентской жизни. Влияние политической элиты неоспоримо: выработанные ею стратегические решения затрагивают все области общественной жизни и обретают силу закона.

Лидеры и представители высших слоёв общества часто отличаются развитым умением систематизировать знания и мысли. Они тщательно отбирают сведения, которые могут принести наибольшую выгоду их социальному окружению. Умение грамотно распоряжаться информацией можно рассматривать как один из

факторов естественного отбора – и в контексте отдельного человека, и с точки зрения функционирования целых социальных структур, начиная от малочисленных коллективов и заканчивая масштабными общественными формациями. Тем не менее, если элита придерживается взглядов и приоритетов, не способствующих разнообразию поведенческих моделей как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, это может привести общество к застою и тупиковой ветке развития.

В системе властных элит существенную роль играют политические деятели, которые в силу своих особых социально-политических характеристик и значимого места в общественной иерархии способны существенно воздействовать на вектор развития политических процессов. Явление лидерства представляет собой сложную и многогранную концепцию, уходящую корнями глубоко в историю человечества. Оно является неотъемлемой и всепроникающей частью социальной жизни – везде, где формируются группы людей, неизбежно возникает и феномен лидерства [2].

Само по себе наделение человека властными полномочиями, и вознесение на вершину государственной иерархии не превращает его в подлинного политического лидера. Однако личность, обладающая активностью и пользующаяся поддержкой народа, получив высокий пост, способна превратить его в трамплин для обретения лидерского статуса. Подобный сценарий реализовался во Франции: Шарль де Голль сумел радикально трансформировать роль президента страны, возвысив её значимость, и тем самым утвердился в качестве влиятельного политического деятеля.

Изучая феномен политического лидерства, политическая наука задействует обширный арсенал знаний, почерпнутых из социологии, политической психологии и истории. Учёные активно исследуют корни этого значимого политического явления, и их кропотливая

работа привела к формированию ряда теорий, объясняющих природу политического лидерства.

Понимание лидером собственных сильных и слабых сторон, а также стремление работать над ними – важный шаг на пути к формированию успешного имиджа, хотя и не гарантирует автоматического перехода от размышлений к активным действиям. Чтобы осуществить этот переход, требуется недюжинная сила воли, которая подразумевает непрерывное волевое усилие, строгую самоорганизацию и способность противостоять искушениям, способным отвлечь от достижения намеченного результата [3].

В числе ключевых характеристик, которые традиционно ассоциируются с политическим лидером, выделяют проницательный ум, неиссякаемую энергию, выдающиеся способности к организации и координации, а также – что особенно важно – профессионализм и готовность принимать на себя бремя ответственности. В современном мире, где демократические ценности играют значительную роль, к этому перечню нередко добавляют такие качества, как умение хорошо выглядеть перед камерой, располагающая внешность и способность вызывать у людей чувство доверия.

Однако наличие одних лишь моральных, интеллектуальных или духовных достоинств не способно автоматически возвести политического деятеля на вершину лидерства – для этого требуется нечто большее. В наши дни от лидера ожидают не только высоких моральных качеств, но и выдающихся организаторских навыков. В общественном сознании образ лидера предстаёт как некий эталон, с которым хочется сопоставлять себя, кому хочется доверять и за кем хочется следовать.

При этом важно учитывать, что характеристики лидера не существуют в вакууме – они неразрывно связаны с социальным контекстом: особенностями исторической эпохи, спецификой

сложившейся ситуации и уровнем развития политической культуры в обществе.

В Российской Федерации ключ к политическому триумфу лежит в руках лидера, который обладает решимостью, интеллектуальными способностями и непоколебимой политической волей. Такой человек должен быть ориентирован на благо государства, отличаться честностью и проявлять твёрдость в реализации своих замыслов. В периоды нестабильности и кризисов лидеры с недостаточно выраженным волевым началом редко получают поддержку общества.

Многочисленные исследования, посвящённые анализу образа политического деятеля, показали, что два ключевых критерия – уровень компетентности и степень честности – формируют основу восприятия кандидата избирателями. Помимо этого, учёные выявили, что динамичность и сила личности существенно влияют на общее впечатление от политического деятеля.

Немаловажную роль в оценке лидеров играют и более субъективные, личностные характеристики: внешний облик, способность привлекать внимание, обаяние, харизматичность и эмоциональная теплота. Именно эти качества часто становятся решающими факторами при выборе кандидата.

В. А. Зорин подчеркивает, что политическая личность имеет двухуровневую структуру. На первом уровне располагаются стабильные характеристики, которые отражают глубинные психологические особенности и состояния индивида, значимые в политическом контексте. Эти характеристики существуют независимо от общественного сознания, но находят в нём своё отражение.

Второй уровень включает более динамичные и изменчивые черты личности, которые можно выявить только в рамках общественного сознания. Именно эти характеристики придают

индивидуальность и специфику психологическому портрету политика. Среди таких факторов – речевые особенности и манера изложения мыслей, поведенческие паттерны и поступки, стиль мышления и общения, внешний облик, выбор одежды, манеры и многое другое [4].

Структурное деление имиджа включает индивидуальные, социальные и символические группы характеристики.

Индивидуальные качества человека охватывают широкий спектр особенностей. Среди них – внешние данные, состояние физической формы и возрастной аспект. Не менее значимы и психофизиологические черты: особенности характера и темперамента, принадлежность к определённому типу личности, уровень решимости и искренности, сила духа, степень активности, интеллектуальные способности и жизненный тонус. Профессиональная сфера также вносит свой вклад: сюда относятся накопленный опыт, уровень интеллекта, уникальный подход к принятию решений и способность влиять на окружающих.

Важным аспектом является умение создавать образ уверенного и сильного человека, который вызывает доверие и располагает к себе. Хотя многие из перечисленных качеств сложно кардинально изменить, можно научиться акцентировать свои сильные стороны и представить даже не самые очевидные черты в выгодном свете.

Первое, что оказывает влияние на формирование имиджа – это личность политика, его слова и дела.

Вторая, косвенная имиджеформирующая информация – которая влияет на формирование имиджа, включает в себя разнообразные данные: слухи и сплетни, юмористические истории, досье и компрометирующие материалы. Сюда же относятся сведения о том, как человек проводит рабочее время и досуг, какие у него привычки и образ жизни, кто входит в круг его общения – друзья и родственники. Все эти аспекты несут в себе определённую символическую нагрузку.

И, наконец, социальные характеристики. Одна из динамичных составляющих образа лидера неразрывно связана с реалиями современности. Среди ключевых аспектов можно выделить следующие: умение лидера формулировать и распространять идеи, которые способны сплотить и вдохновить людей; характер и особенности его социальных связей – с родными, близкими, различными общественными группами, избирателями (то есть теми, чьи интересы он представляет), сторонниками и союзниками, а также с противниками и явными недоброжелателями; уровень узнаваемости.

Лидер стремится оказывать влияние на определённые общественные группы и одновременно расширять свою электоральную базу. Немаловажную роль играют также его авторитет и личный статус, которые определяются не только занимаемой должностью, но и происхождением, уровнем благосостояния. Кроме того, принадлежность к определённому социальному слою во многом формирует систему норм и ценностей, которых придерживается лидер [5].

Осознание политической ситуации представляет собой значимый аспект, который позволяет оценить состояние и устремления разнообразных социальных слоёв и организаций. Анализ этих данных даёт возможность выявить направления эволюции их взаимодействий как между собой, так и с государственными и общественными структурами. Кроме того, для политического деятеля крайне важны богатый словарный запас в сфере политики и умение тонко чувствовать политический контекст и ритм событий.

В. М. Шепель выделяет три категории качеств, которые играют ключевую роль в формировании эффективного имиджа.

Первая категория охватывает врождённые способности, которые создают основу для успешного взаимодействия с

окружающими. К таким качествам относятся: умение легко устанавливать контакт с людьми, способность сопереживать и понимать чувства других, навык анализа собственных и чужих мыслей и чувств, а также ораторские способности. В совокупности эти характеристики формируют то, что можно назвать способностью вызывать симпатию и расположение.

К второй категории Шепель относит те черты личности, которые формируются в процессе воспитания и социализации. Среди них – моральные ориентиры, психологическое благополучие и владение различными навыками и методиками.

Третья категория связана с накопленным жизненным и профессиональным опытом. Однако, по мнению автора, некоторые аспекты, такие как чрезмерная самоуверенность и шаблонность в поведении, могут негативно сказаться на том, как человека воспринимают другие. Эти особенности могут помешать получению признания и доброжелательного отношения со стороны окружающих [6].

Личность современного политика может усложнить или упростить работу специалиста в разы. «Идеальный кандидат – это прирожденный политик», подчеркивает А. Санаев, – человек, точно знающий все свои достоинства, изъяны и, тем не менее, внимательно прислушивающийся к советам своей команды. Такого человека нечасто встретишь, творческая модель организации жизни, деятельности требует пролонгированной активности, умения максимально варьировать свои действия, находить неожиданные решения, абстрагироваться от всего незначительного, несущественного, преходящего [7].

В современных реалиях политическое противостояние разворачивается на фоне потока дезориентирующей информации, которая вызывает стремительную трансформацию политических концепций – от приверженности демократическим ценностям до

поддержки авторитарных методов управления. Политические деятели в своих изысканиях стремятся не только укрепить свой авторитет, но и поразить общественность неординарностью решений и утопичностью замыслов по преобразованию социума.

Сторонники ситуативной теории рассматривают лидерство как феномен, который формируется под влиянием конкретных обстоятельств. Р. Стогдил, Т. Хилтон, А. Голдиер и другие исследователи углубляют и аргументируют эту взаимосвязь. Суть подхода заключается в том, что для эффективного управления в разных обстоятельствах необходим лидер с уникальными личностными характеристиками. При этом набор качеств, который помогает преодолевать трудности в одной ситуации, может оказаться бесполезным в другой, а в каких-то случаях даже помешать достижению желаемого результата. Динамичный характер проблем требует гибких решений и адаптации лидерских стратегий. Следовательно, способность руководить определяется контекстом – в зависимости от того, как меняется окружающая среда, на позицию лидера могут претендовать разные люди.

Ситуативная теория признаёт значимость личных качеств лидера, но не возводит их в идеал, подчёркивая, что определяющую роль в возникновении политического лидерства играют именно внешние обстоятельства [8].

Нахождение политика во власти сильнее всего образом воздействует на его личность и, как правило, по мнению Н.И. Азарова, не в лучшую сторону. «Власть, будучи бесконтрольной, способна не только деформировать нравственные и психические основы личности, но и провоцировать ее на полную деградацию. Необязательность, недобросовестность, некомпетентность и безграмотность аморальны в политической деятельности. Политика всегда была, есть и будет сферой морали и особенно опасной социальной безнравственности» [9].

Противоречие между словами и поступками, между тем, что декларируется, и тем, что происходит на самом деле, между обещаниями и реальными действиями – всё это свидетельствует о безнравственности. В современном мире добиться того, чтобы политика стала честной и искренней, невероятно сложно. Превращение политики в сферу, где ценятся порядочность и гуманизм, где торжествует демократия, – задача непростая и требующая много времени. От того, насколько политик соответствует идеалам честности и порядочности, во многом зависит то, каким его увидят избиратели и как они будут его воспринимать.

Теории конститuentов, которые исследуют роль последователей в лидерстве, внесли большой вклад в понимание феномена лидерства. Согласно этим теориям, ожидания последователей и их интересы оказывают существенное влияние на действия лидера. Ряд исследователей сосредоточился на том, как именно массы воспринимают своего лидера. Отношение последователей к лидеру – будут ли они его поддерживать, требовать от него изменений в поведении или выступать против него – зависит от того, насколько его образ соответствует представлениям людей об «идеальном» лидере.

Авторитет и роль политического деятеля в мире политики напрямую коррелируют с его способностью оказывать воздействие как на свою социальную группу, так и на другие политические силы. Влияние представляет собой механизм, посредством которого лидер воздействует на сообщество, которое его поддержало и выдвинуло на политическую арену [10].

Особенно значимым становится политический лидер, если ему удаётся сформулировать и выразить интересы своей общности таким образом, чтобы они одновременно отвечали общим потребностям общества и вызывали искренний отклик у людей. В

результате его предложения и действия получают широкую поддержку, вдохновляя граждан на активное участие в политической жизни.

Таким образом, влияние становится ключевым инструментом, который позволяет сплотить социальную группу и мобилизовать её для защиты собственных интересов и продвижения своих идей в политическом пространстве. Стремление политических лидеров держать ситуацию и окружающих под своим влиянием является отражением фундаментальной человеческой нужды – желания управлять тем, что происходит вокруг и оказывает воздействие на нашу судьбу. Уровень, до которого человек способен осуществлять такой контроль, тесно связан с его уверенностью в возможности направлять ход событий и воздействовать на поведение других людей. Данный феномен опирается на наличие у индивида двух ключевых компетенций:

- умения формировать и применять личные компетенции для реализации собственных устремлений;

- способности адекватно оценивать действительность и соотносить свои представления с реальным положением вещей.

Стремление оказывать влияние на ход международных событий неразрывно связано с жадой власти. Политик, который верит в возможность предсказывать, контролировать и направлять исторический процесс, рассматривает международные события как площадку для реализации своих амбиций и инструмент формирования желательного вектора развития.

Кроме того, политический лидер испытывает потребность в контроле над своими коллегами по политическому Олимпу. В процессе взаимодействия с другими политиками он вынужден тщательно анализировать и оценивать ряд ключевых качеств и особенностей своих соратников и оппонентов [11].

В условиях трансформации российского общества вопрос о том,

как формируется имидж современного политика, приобретает особую актуальность.

Харизматичность играет ключевую роль в формировании привлекательного имиджа и существенно облегчает коммуникативное взаимодействие. В сознании масс уже закрепился эмоциональный образ лидера, и его харизма не нуждается в дополнительных доказательствах. Лицу, обладающему харизмой, нет нужды прибегать к манипулятивным приёмам — его природное обаяние и способность внушать доверие позволяют завоёвывать симпатии людей и направлять их действия, обходясь без опоры на официальные механизмы власти [12].

В политической сфере харизма выступает в качестве мощного центра притяжения, своеобразного магнита, который объединяет ключевые элементы системы и вовлекает их в динамичный процесс борьбы за власть. Харизматичные личности способны вносить в политическую систему дополнительные дисбалансы и колебания, тем самым провоцируя её переход в новое состояние. Именно поэтому к политикам, наделённым харизмой, следует относиться с особым вниманием и серьёзностью.

Харизматичный политик представляет собой личность, в которой гармонично соединяются нравственная устойчивость и компетентность. При определении своего голоса на выборах большая часть избирателей ориентируется не на соответствие кандидата неким идеальным представлениям, а на анализ текущей ситуации и доступные варианты. Ведь зачастую претенденты на политические должности далеко не всегда воплощают те качества и характеристики, которые люди считают наиболее желанными в лидере [13].

Выводы. Имидж политического лидера представляет собой эмоционально насыщенный образ, который сформировался в общественном восприятии и зачастую принимает форму устойчивых

стереотипов. Этот образ, отражая реальные черты политика, в то же время нередко преувеличивает его достоинства или приписывает ему качества, которые отвечают ожиданиям его аудитории.

Рост значимости политических технологий обусловлен несколькими факторами. Во-первых, современные избирательные кампании требуют более высокого уровня цивилизованности в их проведении. Во-вторых, существует настоятельная потребность минимизировать негативное влияние деструктивных методов на сознание избирателей. В-третьих, отсутствует унифицированный подход к пониманию механизмов формирования политического имиджа.

Анализируя структуру личности политика – с учётом его нравственных и психофизиологических особенностей, интеллектуальных и профессиональных компетенций, а также социальных и иных характеристик – можно определить ключевые черты, которые составляют идеальный имидж современного российского политического деятеля.

Достичь полноценного влияния и авторитета политик может лишь при гармоничном сочетании всех релевантных факторов. В случае дефицита какого-либо из них необходимо компенсировать недостаток за счёт трансформации избыточных ресурсов в требуемый фактор.

Список литературы

1. Психология лидерства: хрестоматия / Сост. К.В. Сельченков.-Мн.: Харвест. –2004. – С. 312.
2. Л. Н. Васильева. Концепция самоорганизации в теории элит: механизм основных социально-политических противоречий / Л. Н. Васильева, Социально-гуманитарные знания, 2005. – № 2. – С. 87-104.
3. Чернявская Г.К. Личность: проблемы самореализации // Социально-политический журнал. – 1996. – № 4. – С. 142.
4. Зорин В.А. Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности. [Электронный ресурс] / Режим доступа:

<http://lib.mgppu.ru/opacunicode/index.php?url=/notices/index/IdNotice:86144/Source:default>.

5. Загайнов А.В. Понятие имиджа политического лидера: сущность и подходы к определению [Электронный ресурс] / – Режим доступа: https://kpfu.ru/portal/docs/F_430056346/149_3_gum_17.pdf.

6. Шепель В.М. Имиджелогия [Электронный ресурс] / – Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1765839771&tld=ru&lang=ru&name=%5BV._M.

7. Санев А.В. Русский пиар в бизнесе и политике [Электронный ресурс] / – Режим доступа: https://lit.lib.ru/s/sanaew_a_w/text_0010.shtml

8. Ракитянский Н.М., Модернизация России и политическая элита // Власть. -2002. -№ I. - С. 22.

9. Азаров Н. И. Взаимоотношения морали и политики // Социально-политический журнал. – 1997. –№ 4. – С. 129.

10. Имидж политического лидера и пути его формирования [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://psy-diplom.ru/primery-referatov-i-kontrolnyh/imidzh-politicheskogo-lidera-i-puti-ego/>.

11. Кретов Б.И, Политологическая теория лидерства // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 2. – С. 91.

12. Фомина С.В. Политический имидж как способ взаимодействия политического деятеля с избирателями [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52073/1/klo_2014_164.pdf

13. Горбунов Н.П. Искусство создания имиджа. – М.: Лаборатория книги, 2010.

Попова Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-code:1621-4997

E-mail: goldsnake1428@mail.ru

Popova T. S.

**IMAGE AS A REPRESENTATION OF THE PERSONALITY STRUCTURE
OF A MODERN POLITICAL LEADER**

This article explores the image of a modern political figure as a multifaceted phenomenon that reveals the deep aspects of their personality. It analyzes various concepts related to the perception and creation of an image within the framework of political science and psychological theory. To achieve success, it is necessary to use a combination of methods and tools for creating an image. Among them are the development of a convincing image legend, work on the appearance, improvement of oratorical skills, control over body language, as well as well-thought-out actions and public speeches. In these days, the formation of the image is an integral aspect of the activities of any political figure.

Keywords: *image, political leadership, personality, management style, charisma, oratory, personal qualities.*

Popova Tatyana Sergeevna, *postgraduate student of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*
SPIN-code:1621-4997

E-mail: *goldsnake1428@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 11.11.2025

УДК 323.2

Проскурина Е. А., Апанашенко О. В., Сундуков Д. Д.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭЛИТЫ В «ХУДШИЕ
ВРЕМЕНА ИСТОРИИ»: КАРНАВАЛ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЦИРК И РЯЖЕННЫЙ В НАПОЛЕОНОВСКОМ БИКОРНЕ.**

В условиях глобализационных процессов данная работа исследует актуальную политическую культуру правящего класса, используя метафоры карнавала и политического цирка. Представлена идея "карнавальной политической культуры", выявлено усиление сходства политической борьбы за властные позиции с состязанием комиков за лидерство на сцене. Подчеркивается, что политики и политическая область переживают упадок, функционируя в иллюзорном пространстве, где общественное внимание преобладает над решением важных проблем. Исследование элементов карнавала и цирка в деятельности, риторике и методах украинской политической элиты позволяет осмыслить их влияние на украинское политическое пространство.

Ключевые слова: политический карнавал, политический цирк, карнавальная политическая культура.

Актуальность. В эру поздней глобализации трансформация критериев отбора лидеров и переосмысление системы ценностей становится отчетливой тенденцией в эволюции современного социума. Существенные технологические и социокультурные достижения, обусловленные прогрессом в информационных технологиях, биотехнологиях, усовершенствовании медицинского обслуживания и расширении культурного обмена, одновременно становятся по меткому выражению Президента США Д. Трампа «худшим временем в истории» человечества [1].

Мир, развивающийся на основе научно-технической революции, информатики и социализации производства в мировом масштабе создал нежелательные политические последствия для так называемых в западном мире развивающихся стран, навязывая им политические условия, продавая таким образом экономическую помощь.

Идеи М.М. Бахтина в настоящее время представляются валидным методологическим инструментом в рамках осмысления ряда нетипичных и необычных форм политической активности современной политической элиты. Допускаемые политической элитой эллипсисы, такие как юмор, насмешка, ироничное отношение к власти, а также инверсия традиционных иерархий и властных отношений, наблюдаемые в современной мировой политике, находят своё объяснение и могут быть эффективно проанализированы с использованием теоретических и методологических разработок Бахтина.

Исследуя карнавальную культуру, М.М. Бахтин, извлекая философские смыслы, определил роль инверсии и перевёртывания в процессе культурной динамики. Карнавальные маски и гротескные мотивы вполне могут стать оружием против окостеневшей официальной культуры. Однако суть карнавала заключается не только в отмене или перестановке социальных рангов, общепринятых правил и ценностей, но и в переосмыслении ценностных оснований общества.

Концепция М.М. Бахтина оказала огромное влияние на гуманитарные науки, став компасом в лабиринте культуры, литературы, искусства и социальных метаморфоз.

Влияние карнавальных мотивов неуклонно растет в политической сфере, поскольку властные структуры все чаще прибегают к игровым стратегиям, практикуют двойственность и используют завалированные приемы. То, что прежде считалось

отдельным эпизодом в политическом ландшафте, сегодня приобретает характер обыденности. В медийном пространстве и научных работах все чаще звучат критические отзывы и обвинения в адрес политических деятелей, связанные с их вовлеченностью в карнавальную политическую культуру. В этой связи концепция М.М. Бахтина позволяет по-новому взглянуть на процессы, происходящие в обществе, и предложить адекватную интерпретацию этих явлений, а также концептуальное осмысление современной исследовательской карнавальной культуры.

Опыт мировой практики подтверждает, что ключевую роль в общественно-политических преобразованиях играет компетентность лиц, находящихся у власти. Свойства и качества правящей верхушки оказывают значительное влияние на проекцию развития социума.

Нынешние политические лидеры столкнулись с глубоким и всеохватывающим кризисом. Они находятся в периоде трансформации мышления, обусловленной искажениями в их восприятии мира и снижением аналитических навыков. Кадровая стратегия правительств западных стран демонстрирует худшие показатели за столетие. Происходящее с современными политиками часто называют "политическим балаганом" или «политическим цирком», подчеркивая упадок традиционной политики и ее подмену имитацией.

Цель статьи: проанализировать политическую культуру современной элиты через призму концепций карнавала и политического цирка, обозначить карнавальные и цирковые черты в поведении, риторике и практиках украинской политической элиты, а также оценить их влияние на политические процессы и общественное восприятие.

Объект исследования: политическая культура элиты в период поздней глобализации, характеризующийся как «худшие времена истории».

Предмет: проявление элементов карнавала и политического цирка в политической культуре элиты; осмысление механизмов, форм и последствий использования элементов карнавала и политического цирка в политической деятельности на примере украинской политической элиты.

Степень научной разработанности проблемы.

Феномен «политической культуры» в современном научном дискурсе рассматривается разнопланово, обусловлено разнообразием методов и парадигм её исследования.

Среди российских исследователей культуры современных правящих политических элит выделим таких авторов как И.В. Большаков, И.А. Быков, Г.Э. Халл, Ю. Воронцова, А.Н. Домрин, П.Л. Карабущенко, Л.Я. Подвойский, Э.Г. Соловьев, С.В. Чугров и др.

Среди зарубежных ученых особого внимания заслуживают работы аналитиков, заложивших теоретический фундамент изучения политической культуры, таких как Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай и Р. Такер. В их трудах политическая культура рассматривается через призму поведенческого и интерпретационного подходов, с использованием методов бихевиористского анализа и символической интерпретации.

Более поздние исследования культуры правящих политических элит, включая работы Э. Хейвуда, Р. Дреера, Г. Риккерга, С. Шерлока, Э. Гэмбела, М. Какутани, Лекрон Дж.У. и других, подчеркивают, что на политическую ситуацию, как в масштабах государства, так и на местном уровне, значительное влияние оказывает концепция «новой политической культуры». Этот взгляд обусловлен экономическими и общественными преобразованиями, ставшими следствием глобализации, а также убеждением в том, что культура не поддается четкому и единому определению.

Применение сетевого анализа и структурно-функциональных методов открывает горизонты в понимании насущных последствий этих тенденций, позволяя глубже проникнуть в динамику правящей элиты и в хитросплетения взаимоотношений между государством и обществом.

Жизнь, как и прежде, полна сюрпризов. Могли ли те, кто обсуждал преимущества, облик и суть глобализации, предположить, что она приведет к значительной поляризации как в обществах, так и на мировой арене, вызвав разделение и глобальное противостояние в области экономики, политики и культуры.

Истина о глубоких политических противоречиях в эпоху поздней глобализации её реалистическая картина достаточна сложна, комплексна и шире упрощенных и полуправдивых доказательств. Характерной чертой для политической сферы в этот период становится театрализация политических отношений, где актеры играют разные роли – одни ролевые игры во власти, а другие безвольные исполнители решений появившихся в результате этих ролевых игр.

Политическая культура элит подверглась существенной модификации в условиях современного глобального мира. При анализе политической культуры элит и лидеров в эпоху глобализации становится очевидным масштаб трансформаций, претерпеваемых политической элитой общества. Эти изменения, как и пересмотр приоритетов, вызваны сменой профессиональных и культурных ориентиров под давлением новой действительности. Смена знаний, культурных и традиционных ценностей привела к переосмыслению идеалов, отражая глубокие преобразования в политическом ландшафте. Глобализация оказывает значительное влияние на политическую культуру элит и их лидеров. Происходящие изменения свидетельствуют о глубокой

метаморфозе, вызванной переоценкой ценностей и их адаптацией к новым реалиям.

Нередко в политических событиях инициаторами и ключевыми фигурами оказываются представители политической элиты. Соответственно, карнавальная политическая культура вполне объяснимо интерпретируется как отражение элитарной культуры. Она появляется тогда, когда традиционные способы воздействия, доступные элите или ее оппонентам, теряют эффективность и они прибегают к приемам, характерным для карнавала.

Таким образом, политическая сфера претерпевает карнавальные изменения, когда элиты все активнее задействуют игровые элементы, используют двойные стандарты и прибегают к конспирологическим мифам. То, что прежде считалось исключением в политической практике, стало обыденным явлением. В средствах массовой информации и в научных работах всё чаще встречаются критические оценки и упреки в адрес политиков, касающиеся их ангажированности в карнавальную политическую культуру.

Политическая культура в контексте реалистичной картины глобализации: лицо и суть.

В основу процесса тестирования «глобализации» легла «старая» мечта о едином и миролюбивом «мировом сообществе», поддержанная сетью мощных наднациональных организаций (Группа 8, МВФ, Совет Безопасности, Европейский союз) и их приверженность к «соблюдению» прав человека и законов демократии, что являло собой новые горизонты глобального политического устройства мира. Рассматривая глобализацию под таким углом зрения понимаем, что идеал такого рода отдалился подобно горизонту, когда приближаешься к нему. Природу глобального общества определило одно важнейшее обстоятельство: историческая форма, которую глобализация по концепту многих

аналитиков и политической элиты должна была принять. Попытка в теории предсказать и распространить экономическое благополучие на практике показала глобализацию нищеты, увеличение пропасти между мирами, уничтожение культур, конфронтацию цивилизаций, подмену глобальной демократии глобальным авторитарным мировым государством, возобновление и умножение количества локальных войн, беспрестанное разорение природы. Со всей уверенностью можно констатировать: тестирование глобализация не прошла.

И если Н.А. Чумаков утверждает, что «сама глобализация и ее многочисленные последствия продолжают оставаться предметом серьезных дискуссий, за которыми часто теряется главное: глобализация – это прежде всего объективно-исторический процесс, а не специально запущенный кем-то проект или чьи-то коварные планы и замыслы»[2, с. 329], то авторы полагают, что анализ нынешней глобализации показывает перевес сформировавшихся показателей авторитарной глобализации, где во главе стоит один гегемон (США), формирующий отношения в мире с государствами и народами на придуманных и меняющихся по своим предпочтениям правилах.

Глобализация превратилась в инструмент реализации интересов и взглядов на мир главенствующей глобальной фракции элиты, «глобальных ястребов». Их ответы на острые вопросы современного опасного времени носят репрессивный характер лишь усиливая ощущение опасности тех народов и государств, которые обеспокоены грозящими бедами «мировому обществу риска», в котором проходит современная жизнь.

По мнению Карабущенко П. Л., Подвойского Л. Я. «...процесс глобализация вносит свои коррективы в качество и направленность политической культуры, связанные в первую очередь с разрушением национальных особенностей политической традиции и

нивелированием систем частных политических ценностей, символов и образов» [3. С.88].

Исследуя «Концепцию карнавальной культуры М.М. Бахтина в уличном театре В.И. Полунина», Семенова Е.А. акцентировала внимание на трансформации роли карнавала в современных условиях. Отметив, что если в прошлом карнавальные действия находились на периферии политической арены, то теперь они, динамично замещают привычные политические механизмы, успешно занимая центральное место в общественном сознании [4].

Разнообразие научных взглядов на проблему «карнавальной культуры» эпохи поздней глобализации привело к возникновению множества различных трактовок этого явления. Это обусловлено несходством методологических принципов, теоретических концепций и целей исследования, которые ставят перед собой разные ученые.

Сквозь призму карнавальной политики, политического театра и политического цирка американские исследователи, осмыслив глубины политической культуры, обнаружили неведомые ранее грани. Лекрон Дж.У., погрузившись в анализ участия граждан в политической жизни в эпоху «пост-правды», «кризиса истины», «упадок правды», «триумфа манипуляций» и «эпистемологического кризиса», выявил, как трансформация политики в карнавальность преобразует вовлеченность в политические процессы. В новых реалиях политическая активность характеризуется зыбкой гранью между правдой и вымыслом, где реальность причудливо переплетается с иллюзией и умышленной ложью [5].

Глобализация привела к тому, что политическая жизнь все чаще приобретает черты театральности: политика все больше становится похожей на инсценировку, а политическая система в условиях глобализации все сильнее тяготеет к формам зрелищного представления.

Изучение современных подходов к пониманию политического дискурса, касающегося карнавализации политики и карнавальной политической культуры, указывает на растущий научный интерес к осмыслению этого явления, что привело к появлению многочисленных и разнообразных его интерпретаций.

Таким образом, анализ политического дискурса позволяет обобщить и обозначить ряд важнейших положений:

- Карнавал в политике – это не развлечение. Это серьезная форма политического действия, которая может оказывать влияние на общественное мнение и политические процессы. Влияние часто ограничено временными рамками и символическим характером. Карнавал чаще всего выражает протест и критику, но, как правило, не приводит к немедленным радикальным изменениям.

- Политический карнавал представляет собой применение карнавальных техник и инструментов для выражения оппозиции политике, критики и сатирического обличения.

- Особую роль в развитии политического карнавала в мире сыграла эпоха глобализации. Глобализация оказала значительное воздействие на процессы обновления структуры власти, способствуя появлению более независимых (пост)элитарных групп на политической арене. Подобные группы, осуществляя контроль над ключевыми каналами распределения ресурсов, одновременно теряют свою подотчетность перед общественностью. Применение ими неформальных подходов к воздействию на задачи государственной политики углубляет внутренние разногласия внутри правящих слоев, одновременно усиливая скрытый характер формирования политики государства и расширяя пропасть между государством и народом.

Современный кризис и деградация элитного начала в элитах в контексте негуманной формы глобализации.

Феномен политического карнавала и карнавальная политическая культура стали предметом изучения в работах П.Л. Карабущенко, Л.Я. Подвойского, Е.А. Семеновой, А.Н. Чумакова и ряда других ученых.

Результаты исследования показываю, что в нынешнем политическом ландшафте скопилось такое количество фарсовых фигур и паяцев, что их концентрация достигла некоего переломного момента, дающего нам основание утверждать о наступлении новой исторической фазы – эры доминирования карнавальная политической традиции. В чем суть этого явления, как противостоять этой болезни и что ждет планету в дальнейшем открытый вопрос.

Развивая идеи М.М. Бахтина [6] о культуре карнавала П.Л. Карабущенко отмечает, что в политической сфере современных государств «политический карнавал воссоздает атмосферу грехопадения. Но это грехопадение само себя театрализовывает, само себя развлекает. А самое главное, оно не делает из этого никакой трагедии, а активно спекулирует на этом, извлекая нужные ей дивиденды» [7]. Современная политика переполнена комичными и несерьезными личностями. Их численность достигла критической точки, позволяя говорить о наступлении новой эры – эпохи карнавализации политической сферы.

Современный мир, насыщен подобиями и симулякрами, и стремление к абсолютной аутентичности не представляется возможным. Особенно ярко это проявляется в политике, где роли часто заранее определены или не до конца понятны. Политическая сфера являет собой конгломерат иллюзий, лжи и подделок. Это пространство с перевернутой системой ценностей и размытыми ориентирами, которое деморализует честных людей, но привлекает аферистов и жаждущих наживы.

Нынешние политические круги столкнулись с глубоким системным упадком. Они переживают период серьезной трансформации сознания, вызванной кризисом их ценностей и снижением интеллектуального уровня. Политическое руководство западных стран демонстрирует наихудший кадровый отбор за столетие. Происходящее с нынешним поколением политиков часто описывается как «политический карнавал», отражающий разрушение традиционной политики и её замену суррогатом. Эта деградация знаменует собой отход от принципов, которые ранее определяли политическую деятельность, и ведет к формированию искаженного и поверхностного подхода к управлению.

В рамках данного исследования, используя эмпирические данные, основное внимание будет уделено раскрытию особенностей политического карнавала на украинском примере.

На протяжении всего периода украинской независимости политическая сцена страны характеризовалась лицемерием. Эти проявления политической неискренности нередко уподобляют колдовскому шабашу или разнузданным сатурналиям.

Украинскую политическую культуру часто называют «карнавальной» по нескольким причинам, связанным с проявлениями, схожими с характеристиками карнавала, описанными Михаилом Бахтиным:

Переворачивание иерархий и ниспровержение авторитетов. В украинской политике часто наблюдается смена элит, критическое отношение к действующей власти, высмеивание и пародирование политических деятелей. Это отражает карнавальную черту переворачивания общепринятых иерархий и осмеяния «верхов».

Амбивалентность и противоречивость. Украинская политика характеризуется сочетанием серьезных проблем и кризисов с элементами фарса, комизма и абсурда. Политические события могут одновременно вызывать тревогу и смех.

Нарушение социальных норм и правил. В украинской политике часто наблюдаются нарушения закона, коррупция, популистские заявления и действия, игнорирование этических норм. Это соответствует карнавальному духу временного освобождения от ограничений.

Элемент игры и театрализации. Политические процессы в Украине часто воспринимаются как спектакль, где политики играют определенные роли, а избиратели наблюдают за развитием событий как зрители. Выборы, политические ток-шоу и другие мероприятия наполнены зрелищностью и претендуют на развлечение.

Смех и юмор как форма протеста и критики. Юмор, сатира и политические анекдоты играют важную роль в украинском обществе, являясь способом выражения недовольства властью и критического осмысления политической ситуации.

Популизм и обещания невозможного. Украинские политики часто прибегают к популистским лозунгам и обещаниям, которые не всегда реалистичны, но привлекают внимание избирателей и создают иллюзию перемен.

Необходимо акцентировать внимание на том, насколько негативно сказываются на обществе политические фигуры, прибегающие к приемам, имитирующим карнавал. Их действия несут в себе разрушительный потенциал для социума и государственного строя.

Платон, разрабатывая классификацию политических лидеров, уже тогда выделил особенный тип, вызывающий всеобщее презрение и насмешку. Философ отмечал, что в политике встречаются личности, уподобляющиеся львам или кентаврам, но большинство из них, подобно сатирам и другим подобным созданиям, отличаются слабостью и непостоянством, быстро меняя свою сущность и качества [8].

Платон удачно использовал образ «сатиров» для характеристики таких политиков. Сатиры, существа с козлиными чертами, известны своей похотливостью, склонностью к вину, разгулу, сексуальной распущенности, насилию и другим подобным порокам.

Рассмотрим в качестве примера лидера Украины, В. Зеленского. По всей видимости, он видел себя в исторической роли, сравнимой с Наполеоном или У. Черчиллем, представляя себя в аналогичном свете. Однако, реальность оказалась иной: его способности и стратегическое видение оказались недостаточными даже для управления небольшим регионом. Он оказался не готов к реальным вызовам, предпочтя подменить настоящую ситуацию виртуальной реальностью, созданной его специалистами по связям с общественностью.

Этот пример наглядно демонстрирует, как завышенное самомнение и утрата связи с объективной действительностью могут привести к плачевным последствиям. Не учитывая собственные ограничения и пренебрегая помощью профессионалов, В. Зеленского отдал предпочтение исполнению заранее заданной роли, что в конечном счете обернулось трагедией для страны. Аналогичные ситуации можно наблюдать и в других сферах деятельности. Нередко люди, не обладающие достаточной квалификацией, занимают высокие должности благодаря личным связям или умению произвести благоприятное впечатление. Однако рано или поздно их некомпетентность становится очевидной, что негативно отражается на всех вокруг. Крайне важно осознавать свои сильные и слабые стороны, избегать переоценки собственных возможностей, постоянно учиться и самосовершенствоваться. Только таким образом можно оградить себя от ошибок и достичь успеха в любом начинании. В противном случае, реальность накажет за самонадеянность и отрыв от действительности. Во все

времена подобные политики представляли наибольшую опасность для общества, поскольку отличались безответственностью и непредсказуемостью в своих действиях. Они выступают в роли провокаторов хаоса, разрушителей моральных устоев и принципов рационального мышления. Ряд исследователей в области политологии и других наук полагает, что театральность и зрелищность, свойственные украинской политике, служат индикатором трансформационного этапа. В этот период происходит слом устаревших принципов и устоев, в то время как новые еще не утвердились. В отличие от обозначенной точки зрения, авторы статьи придерживаются позиции, согласно которой карнавальная стиль в украинской политической жизни – это не временное явление, а устойчивая характеристика. Она глубоко связана с историческим контекстом и социальными особенностями, формирующими культуру страны [9].

Выводы. Политический карнавал – это проявление хаотичной политической культуры, возникающее в обществе, лишенном единства и устоявшихся моральных принципов. Он ставит под сомнение ценности, уничтожает традиции, проявляясь в вандализме, искажении фактов и смене культурного кода. Карнавал сигнализирует о дезориентации политической верхушки, кризисе политической системы и упадке правящих кругов. Это упрощенная версия политической культуры, оптимальная для ослабленных элит в период упадка. Характерные черты политического карнавала: размытая идентичность, гипертрофированное самомнение, отсутствие морали, произвол, подтасовка фактов, нелепость, манипулирование сознанием и упрощение. Участники карнавала переживают кризис идентичности, присваивая чужие роли и меняя имена. Отказ от личности приводит к иллюзии улучшения и чувства власти. Неспособность реализовать амбиции в реальности толкает в карнавальную реальность, где мания величия становится нормой.

Политический карнавал – это «клуб» негативного отбора для элит, где привилегии становятся самоцелью, а элитарное самомнение проявляется в презрении к конкурентам и восхвалении своих достоинств. Политическая культура все чаще характеризуется как «карнавальная», с использованием понятий вроде «политическое шоу», «абсурдный театр» и «шуты». Политическая борьба превращается в соревнование клоунов, где политики живут в мире вымыслов, ставя внимание публики выше решения реальных проблем. Их неадекватность реальности – ключевое проявление этой карнавальной политической культуры.

Список литературы

1. Байден принес США худшие времена в истории, заявил Трамп. - 03.04.2022. – URL: <https://news.mail.ru/politics/50719198/?frommail=1> (дата обращения: 06.10.2025).
2. Чумаков А. Н. Путь в философию. Работы разных лет: монография. М.: Проспект, 2021. С.329.
3. Карабущенко П.Л., Подвойский Л.Я. Кризис современной политической культуры (Деструкция элит политического карнавала) // Вопросы элитологии. - 2022. № 1. С. 88.
4. Семёнова Е.А. Концепция карнавальной культуры М.М. Бахтина в уличном театре В.И. Полунина // Казанский педагогический журнал. – 2015. №1(31). С 395-398.
5. Leckrone J.W. Associate Professor of Political Science // Widener University State and Local Political Culture (December 18, 2013 by The American Partnership).
6. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: «Художественная литература». – 1990, 548с.
7. Карабущенко П.Л. Карнавальная политическая культура: миры кривляющихся химер // Вопросы элитологии. – 2022. №4. С. 85-97.
8. Платон. (1990-1994). Собрание сочинений в 4 т. Т. 1- 4 Москва: «Мысль». – 1990 -1994 // «Политик», 291a-b.
9. Родькин П. Соблазн карнавализации // <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/soblazn-karnavalizacii> (дата обращения 01.12. 2025)

10. Чисто украинский фарс. Карнавализация политики приводит во власть новые лица// <https://turik-1.livejournal.com/3686500.html> (дата обращения 09.11.2025).

Проскурина Елена Александровна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 4692-2397

E-mail: plamenik48@gmail.com

Апанашенко Ольга Владимировна, аспирант кафедры государственного управления Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 8498-4306

E-mail: Olga.Apanas@yandex.ru

Сундуков Даниил Дмитриевич, ассистент кафедры государственного управления Луганского государственного университета имени Владимира Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 9662-0400

E-mail: Helg1998@yandex.ru

Proskurina E.A., Apanashchenko O.V., Sundukov D.D.

POLITICAL CULTURE OF THE ELITE IN THE "WORST TIMES OF HISTORY": CARNIVAL, POLITICAL CIRCUS AND A MUSMMAN IN A NAPOLEONIC BICORN

In the context of globalization, this paper explores the current political culture of the ruling class using the metaphors of carnival and political circus. The idea of "carnival political culture" is presented, revealing an increasing similarity between the political struggle for power and comedians competing for stage leadership. It emphasizes that politicians and the political sphere are in decline, functioning in an illusory space where public attention prevails over addressing important issues. An examination of carnival and circus elements in

the activities, rhetoric, and methods of the Ukrainian political elite allows us to understand their influence on the Ukrainian political space.

Keywords: *political carnival, political circus, carnival political culture.*

Proskurina Elena Aleksandrovna, *Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*

SPIN-код: 4692-2397

E-mail: *plamenik48@gmail.com*

Apanaschenko Olga Vladimirovna, *Postgraduate Student of the Department of Public Administration Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*

SPIN-код: 8498-4306

E-mail: *Olga.Apanas@yandex.ru*

Sundukov Daniil Dmitrievich, *Assistant of the Department of Public Administration Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*

SPIN-код: 9662-0400

E-mail: *Helg1998@yandex.ru*

Статья поступила в редакцию 15.11.2025

УДК 316.342 (1-4)

Симоненко Л. Ю., Хомутовская Я. Н., Червяк Ю. П.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В статье дается понятие глобальной социальной стратификации. Особое внимание обращено на причины возникновения и формы глобальной социальной стратификации, а также теоретико-методические и практические аспекты в системе признаков и критериев, определяющих социальное расслоение, иерархическое положение социальной стратификации в условиях глобализации современного мира. Представлено исследование способов социальной дифференциации в контексте масштабных социокультурных трансформаций, происходящих в XXI веке.

Ключевые слова: *глобализация, социальная стратификация, глобальная социальная стратификация, социально-экономическая стратификация, глобальная информационная стратификация, глобальная политико-идеологическая стратификация.*

Актуальность. В современных условиях процессы глобализации вовлекли человечество в стремительный вихрь радикальных перемен. Всё указывает на то, что мы наблюдаем зарождение совершенно нового типа общественного устройства – мегасообщества. Глобализация, как многогранный и всеобъемлющий процесс, оказывает существенное влияние на социальную стратификацию, трансформируя традиционные представления о неравенстве и формируя новые перспективы.

В современном мире, где границы становятся всё более проницаемыми, а информация распространяется мгновенно,

вертикальная и горизонтальная мобильность претерпевают значительные изменения, порождая сложные и зачастую противоречивые социальные структуры.

Глобализация – это многогранный процесс, охватывающий экономические, политические, культурные и социальные сферы жизни и радикально трансформирующий мир. Одним из наиболее значимых и противоречивых последствий этого процесса является изменение характера социальной стратификации, то есть иерархического деления общества на различные слои (страты) по признаку неравенства в доступе к власти, богатству и престижу. Если раньше стратификация была в большей степени привязана к национальным границам, то сегодня она приобретает новые глобальные измерения, порождая как новые возможности, так и углубляя существующие формы неравенства. В связи с этим исследование современной социальной действительности и её стратификационных процессов приобретает исключительную значимость. Эта актуальность проявляется как в глобальном масштабе, так и в контексте специфических реалий посткоммунистического пространства.

Целью статьи является исследование способов социальной дифференциации в контексте масштабных социокультурных трансформаций, происходящих в XXI веке.

Объектом исследования является процесс глобализации социальной стратификации в условиях современного мира.

Предмет исследования составляют теоретико-методологические и практические аспекты в системе признаков и критериев, определяющих социальное расслоение, иерархическое положение социальной стратификации в условиях глобализации современного мира.

Степень научной разработанности. Проблемами исследования процессов трансформации структуры современных

обществ занимались отечественные и зарубежные ученые. Ключевые идеи заложены в трудах мыслителей эпохи социально-политической философии, таких как Ж.-Ж. Руссо, А. Смит, Д. Рикардо и А. Сен-Симон. Значительный вклад внесли и социологи классического периода: О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер и П. Сорокин. Кроме того, современные исследования, представленные работами таких авторов, как У. Л. Уорнер, Ч. Миллз, Г. Брейверман, Э. О. Райт, А. Турен, Р. Дарендорф, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, У. Бэк, а также новейшими исследованиями в области социологических теорий стратификации продолжают развивать данные концепции. В совокупности все эти достижения формируют современные теории социальной стратификации в условиях глобализации современного мира.

Результаты исследования. В начале XXI в. глобализация вышла за рамки экономико-финансовой системы и охватила почти все сферы общественной деятельности и рассматривается во взаимосвязи с современными интеграционными процессами. Более того, с позиции отдельных ученых глобализация представляет собой высшую форму социальной интеграции, которая связывается с необходимостью создания такой формы организации человеческой жизнедеятельности, которая основана на уважении прав и фундаментальных свобод человека, на культурной и религиозной многогранности, социальной справедливости, учете особых потребностей отдельных групп [2]. То есть в этом отношении глобализация – это вид общественного развития, который позволяет преодолеть проблему нищеты и неравенства, так как большинство связывают их с чрезмерным ростом населения в развитых странах, где глобализация как процесс может это выравнять. По мнению Р. Макнамары глобализация в современном мире выполняет корректирующую функцию, поскольку «развитый мир потребляет значительно больше на душу населения, чем те страны, которые

находятся на этапе развития» [3], то есть в условиях глобализации возникает необходимость скорректировать устоявшиеся нормы потребления и обеспечить тем самым устойчивое развитие всех жителей планеты.

В условиях глобализации все больше ограничиваются возможности национальных государств как субъектов международных экономических и политических отношений.

Именно поэтому для современного государства наиболее сложный вопрос – «поиск принципов и механизмов налаживания взаимосвязей с глобальным миром, что тем самым позволит четко определить его место и роль в общемировом пространстве», иначе государство «может остаться пассивным объектом для реализации глобальной политики не только развитых стран мира, но и тех, которые их догоняют» [5].

В условиях глобализации планета трансформируется в единое социокультурное пространство. Однако эта унификация не приведет к однородности, а, напротив, будет характеризоваться высокой степенью дифференциации, многообразия и даже некоторой степенью хаотичности. Границы и разделительные линии в таком обществе будут стерты.

Таким образом, глобализация, по сути, представляет собой общественный феномен, при котором значимость территориального расположения в контексте социального и культурного прогресса снижается.

Процесс глобализации перестраивает существующий мировой порядок, создавая новую модель устройства, основанную на сближении экономик, военно-политических блоков и, в идеале, этико-правовых норм. Это влечет за собой ослабление роли национальных государств и стирание их границ. В условиях глобализации усложняется динамика мирового развития, претерпевают изменения ценностные ориентиры и поведенческие

нормы людей, а также трансформируются их взаимоотношения, приобретая глобальный масштаб. В результате формируется новая форма социальной организации – глобальное общество, где приоритеты смещаются в сторону решения общемировых проблем.

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что изменения в социальной структуре государства носят характер глубокой трансформации общества. Это обусловлено появлением новых классовых образований и изменением статуса ранее существовавших групп. Особо остро ощущается ухудшение положения работников, чья деятельность требует высокой квалификации, как умственной, так и физической. Средние слои, подвергшись процессу обнищания, оказались вытеснены в нижние социальные прослойки. Экстремальное усиление поляризации между богатыми и бедными является индикатором разрушения прежней социально-классовой структуры и формирования качественно новых общественных отношений [4].

Ключевое общественное противоречие, порождаемое процессом глобализации, заключается в том, что стремительный прогресс и рост благосостояния небольшой, но сокращающейся части человечества достигаются ценой замедления развития или даже ухудшения условий жизни подавляющего большинства населения планеты, численность которого при этом растет. Следовательно, одной из современных тенденций в глобальном масштабе является новая форма стратификации как на уровне государств, так и в обществе в целом. Главным отличительным признаком в этой новой системе является не только уровень экономического развития, но и степень обеспеченности граждан социальной защитой.

Таким образом, суть главного социального конфликта, порожденного глобализацией, сводится к тому, что ускоренное развитие и обогащение входящей в упадок, но крайне малочисленной прослойки людей осуществляется за счет

замедления прогресса или прямого ухудшения качества жизни основной, и при этом растущей, части населения. Вследствие этого, одной из актуальных тенденций в глобальном мире выступает явление новой дифференциации как государств, так и социальных групп, где ведущим показателем выступает экономическая состоятельность и обеспеченность граждан социальной поддержкой.

В последние годы для описания современного общественного устройства XXI века активно применяется понятие «социальная стратификация». Согласно определению, данному П. Сорокиным, социальная стратификация представляет собой процесс разделения группы людей (населения) на иерархически расположенные слои. Иными словами, это неравномерное распределение среди членов общества таких элементов, как права и льготы, ответственность и обязательства, а также наличие или отсутствие доступа к социальным благам, власти и влиянию [6, с. 298].

Социальная стратификация – это, по сути, многомерная система социального неравенства, отражающая неравное распределение власти, привилегий и статуса между различными группами людей в обществе. Она проявляется в структурированных иерархиях, где одни слои обладают большими ресурсами и возможностями, чем другие. Изучение социальной стратификации позволяет понять, как формируются и поддерживаются социальные лестницы, и как это влияет на жизнь индивидов и целых общностей [7, с. 292].

Ключевыми измерениями стратификации выступают экономическое положение (богатство, доход), социальный статус (престиж, уважение) и политическая власть (влияние на принятие решений). Эти измерения часто взаимосвязаны, но могут и существовать независимо друг от друга, создавая разнообразные формы социальной дифференциации. Например, человек может обладать высоким экономическим положением, но низким социальным статусом, или наоборот.

Различные теории пытаются объяснить природу и функции социальной стратификации. Функционалисты, такие как К. Дэвис и У. Мур, утверждают, что стратификация необходима для эффективного функционирования общества, поскольку она мотивирует наиболее способных индивидов занимать важнейшие социальные позиции, предлагая им соответствующие вознаграждения. Конфликтологи, напротив, рассматривают стратификацию как результат борьбы за ресурсы и власть между доминирующими и подчиненными группами, где неравенство закрепляется в интересах элиты.

Исторически формы стратификации сильно различались. От жестких кастовых систем, где положение человека определялось рождением и было практически неизменным, до классовых систем, предполагающих некоторую степень социальной мобильности. Современные общества чаще всего характеризуются классовой стратификацией, хотя и с элементами других систем. Понимание этих различных форм стратификации помогает глубже осмыслить динамику социального неравенства в различных культурных и временных контекстах.

Соответственно, социальная стратификация представляет собой многогранный и непрерывный процесс, в ходе которого общество организуется в иерархические слои или уровни. Эти страты, основанные на различных факторах, таких как доход, богатство, образование, профессия, социальный статус и власть, определяют положение индивидов и групп в социальной структуре. Процесс стратификации не является статичным, он динамичен и постоянно изменяется под влиянием исторических, экономических, политических и культурных сдвигов. Люди могут перемещаться вверх или вниз по социальной лестнице, изменяя свой статус и ресурсы. Это передвижение может быть как индивидуальным, так и групповым. Ключевыми аспектами данного процесса являются

установление и поддержание неравенства. Стратификация формирует различные возможности и доступ к ресурсам для разных социальных групп. Это может проявляться в различиях в уровне жизни, доступе к качественному образованию и здравоохранению, а также в возможностях карьерного роста.

Таким образом, социальная стратификация – это не только распределение материальных благ, но и различия в социальном статусе, власти и образе жизни, определение положения каждого члена общества в сложной системе взаимоотношений.

Следовательно, социальная стратификация в условиях глобализации не только унифицирует социальное пространство, но и ведет к более четкой стратификации мирового сообщества. То есть в современных условиях, происходит переход от стратификации иерархического типа (статус групп зависит от социально-политического потенциала) к стратификации, определяемой местом групп в управлении экономикой (статус групп определен экономико-политическим потенциалом).

Социальная стратификация – это процесс, который непрерывно продолжается в обществе, в то же время социальная стратификация сама по себе является результатом этого процесса, в ходе которого происходит обнаружение слоев данного общества. В результате, посредством выбора конкретного критерия, достигается возможность стратифицировать совокупное население государства и определить его компонентные слои. Социальная стратификация – черта любого общества и любого государства. Она показывает неравное положение отдельных индивидов, групп в обществе или целых стран, именно поэтому возможно выделить следующие глобальные стратификационные формы современного мира: социально-экономическая, информационная и политико-идеологическая.

1. Глобальная социально-экономическая стратификация стран подразумевает их разделение на «ядро» глобализации и страны «периферии» глобализации.

В своей работе «Социальная стратификация и мобильность» П. Сорокин обосновывает дихотомическую перспективу будущего развития общества. Он утверждает, что человечество столкнётся с выбором между двумя сценариями: либо это будет экономически ориентированное общество, неизбежно сопровождаемое бедностью и голодом, либо относительно благополучное общество, в котором, однако, будет сохраняться социально-экономическое неравенство [6, с. 331].

В условиях глобализации мира развитие стран становится все более неравномерным, то же самое происходит и с людьми. В последние годы все чаще звучат тревожные заявления о состоянии мировой экономики. Исследователи и аналитики единодушно отмечают, что «мировая экономика все больше поляризуется, экономическая активность и соответствующие доходы концентрируются» [8].

Присоединение к мировой рыночной системе постсоциалистических стран, а также отсталых стран, не улучшило их экономическое положение, а лишь увеличило маргинальность». В современных условиях ожидается, что «маргинализация бедных стран и малоимущего населения будет набирать обороты, если не будут созданы адекватные регулятивные нормы и механизмы управления глобализационными процессами» [2].

Значительный рост экономического неравенства, олицетворение богатства ухудшают возможности для выживания низших слоев населения. Наблюдаются процесс роста социальных проблем, рост безработицы, низкие доходы, отсутствие финансовых возможностей для получения образования, приобретения жилья и тому подобное. Понимая опасность такой ситуации, развитые страны начинают

проводить такую политику (выравнивание доходов, сокращение безработицы, социальная помощь и т. д.), чтобы сократить разрыв в уровне жизни между высшими и низшими слоями общества, снять социальную напряженность в обществе. В то же время в бедных странах происходит снижение уровня жизни, что приводит к политической нестабильности, росту организованной преступности, коррупции, распространение социальных болезней.

В контексте современной глобализации, потребление выступает как критическая проблема. Бедные страны стремятся повысить уровень потребления для удовлетворения базовых нужд, но этот процесс затруднен. Увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными государствами, а также неравномерное распределение мировых ресурсов создают предпосылки для того, что ключевым оппонентом западной модели развития могут стать такие страны, как Китай, Индия, Иран и другие. Теоретически богатые страны могли бы ограничить собственное потребление. Однако это осложняется вопросами социально-экономической, политической и экологической справедливости. Именно эти аспекты тесно связаны с возможностью формирования нового мирового порядка и выстраивания будущих межгосударственных отношений. В этом контексте универсальным инструментом достижения благосостояния каждой отдельной страны становится исключительно расчет [4].

2. Глобальная информационная стратификация стран, то есть неодинаковый доступ стран к информационным технологиям, информационное доминирование одних государств над другими.

В условиях перехода от индустриальной к постиндустриальной фазе развития происходит информатизация общества, то есть формирование информационного общества, в котором главную роль будут играть теоретические знания. Опасность заключается в том, что «информационные технологии не повлияли на уровень

проблемы равенства граждан, регионов и стран. Даже на социальной арене они не проникли дальше, чем на индивидуальный уровень». Речь идет о том, что информационные изменения произошли исключительно на рабочих местах и во взаимоотношениях между компаниями [3, с. 102].

В эпоху повсеместного распространения и применения глобальных информационных систем появляются новые виды культурного доминирования со стороны ведущих государств по отношению к менее развитым. Это порождает риск потери целыми народами их уникальных культурных и национальных идентичностей. Следует констатировать, что в настоящее время наблюдается тенденция навязывания человечеству моделей потребления и предпочтений, которые отражают интересы крупных международных корпораций-производителей. Сложность текущего положения дел состоит в том, что значительное число общин не участвуют в формировании общего информационного пространства, а в некоторых случаях некоторые государства фактически изгоняются из числа активных участников современных тенденций, оказываясь на периферии [1].

3. Глобальная политико-идеологическая стратификация (например, разделение стран на демократические и недемократические).

Политико-идеологическая стратификация – это многогранный процесс, отражающий разделение общества на группы по их отношению к власти, политическим институтам и господствующим идеологиям. Это явление не статично, а динамично, менялось под влиянием исторических событий, социальных трансформаций и развития философской мысли. Понимание механизмов стратификации позволяет глубже проникать в суть политических конфликтов и прогнозировать их развитие. В основе политико-идеологической стратификации лежат различные ценностные

ориентации, взгляды на роль государства, принципы социальной справедливости и механизмы распределения ресурсов [2]. Группы, придерживающиеся схожих идеологических установок, формируют определенные электоральные блоки, общественные движения и политические партии. Степень их консолидации и влияния на политический процесс напрямую зависит от массовости, организационной структуры и ресурсной базы.

Политико-идеологическая стратификация также проявляется на уровне институтов. Выборные органы, партии, общественные организации – все они так или иначе отражают спектр существующих идеологий. Борьба за власть в этих институтах зачастую является прямой трансляцией идейных столкновений, происходящих в обществе. Успех тех или иных идеологических направлений зависит от их способности мобилизовать сторонников, предложить привлекательную повестку дня и эффективно конкурировать с альтернативными взглядами.

Политическая и идеологическая классификация на мировой арене обусловлена принадлежностью государств к определенным геополитическим блокам. Исторический анализ изменений в политическом устройстве различных обществ на протяжении веков свидетельствует о том, что предсказуемое, закономерное развитие от одних стабильных форм к другим представляется маловероятным. Согласно наблюдениям П. Сорокина, отмечается общемировая тенденция к демократизации, однако, несмотря на это «не существует устойчивой закономерности в переходе от монархических форм правления к республиканским, от автократии к демократии, от власти меньшинства к народовластию, или от минимального государственного вмешательства к тотальному контролю над обществом» [6, с. 351].

Одновременно следует признать, что глобализационные процессы не обеспечивают всем народам равные возможности для

извлечения выгод, наблюдается усиление разрыва между государствами, занимающими сильные и слабые позиции. Одни страны получают льготы для освоения ресурсов и всесторонней интеграции в мировую систему разделения труда, в то время как другие, с незрелыми экономиками и низким уровнем доходов, напротив, ощущают угрозу своей экономической стабильности. Таким образом, глобализация ставит под сомнение возможность развития либеральной демократии как краеугольного камня национального государства, поскольку либеральные демократии сталкиваются с многочисленными проблемами. К ним относятся, в первую очередь, снижение уровня доходов, рост безработицы среди малоквалифицированных сотрудников, ослабление общественного контроля над социально-экономическими процессами и ряд других факторов. Глобализация также связана с ослаблением либеральной демократии и снижением способности национальных правительств контролировать экономические процессы, социальную сферу и внутреннюю политику в пределах установленных государственных границ [3]. Глобальные преобразования охватывают весь земной шар, однако непосредственно затронутыми оказались лишь двадцать пять процентов жителей планеты. Остальное человечество пребывает не просто вне постиндустриального, но даже за пределами индустриального этапов развития. Данные государства движутся по пути «догоняющего развития», и пропасть между ними и «глобальным центром» неуклонно растет.

Современное научное сообщество демонстрирует широкий спектр точек зрения и методологий, касающихся вопросов социальной стратификации в контексте глобализационных процессов XXI века.

Преобладает общее понимание того, что социальная стратификация представляет собой неотъемлемое и обусловленное обществом различие в положении людей, выражающееся в их

социальной жизнедеятельности и принимающее иерархическую форму. Эта система поддерживается и управляется посредством различных институциональных механизмов, непрерывно видоизменяясь и воспроизводясь. Такое устройство является фундаментальным условием для стабильного функционирования любого социума и одновременно служит двигателем его эволюции.

Выводы. В заключение стоит подчеркнуть, что глобальная стратификация, понимаемая как дифференциация в положении стран и социальных групп, проявляющаяся в социально-экономической, информационной и политико-идеологической сферах, является ключевым признаком мировой системы XXI века. Следовательно, современная международная система демонстрирует сочетание характеристик традиционных международных отношений и новейших глобальных тенденций.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция. – 2001. – 304 с.
2. Гордеева Д. А., Монетова А.А., Редина В.О. Социальная структура и стратификация // В сборнике: Интеллектуальный и научный потенциал XXI века Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 136-138.
3. Ершова Т. Информационное общество в России как проблема социально-политического выбора и общественной инициативы / Т. Ершова // Мир России. – 2003. – Т. XII. – № 1. – С. 101-108.
4. Заславская Т. И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социс. – 2001. – № 8. – С. 3-7.
5. Колодко Г. В. Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. / Колодко Г. В. Мн.: ЕГУ. – 2002. – 200 с.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов : Пер. с англ. – М. : Политиздат. – 1992. – 543 с.
7. Социологический энциклопедический словарь / Г. В. Осипов (ред.), З. Т. Голенкова (сост.) – М.: ИНФРА-М, 1998. – 488 с.

8. Мазур О. Особенности рекрутирования политической элиты / Оксана Мазур // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Российская Федерация – Архангельск, 2015. – № 2. – С. 48-57.

Симоненко Людмила Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 7737-0770

E-mail: simon.alex-2005@mail.ru

Хомутовская Яна Николаевна, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 7734-0789

E-mail: answerbox.gy@yandex.ru

Червяк Юлия Петровна, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 1400-4058

E-mail: julia080880@yandex.ru

Simonenko L.Yu., Khomutovskaya Ya.N., Cherviak Yu.P.

SOCIAL STRATIFICATION IN THE CONTEXT OF THE GLOBALIZATION OF THE MODERN WORLD

The article provides a definition of global social stratification. Special attention is paid to the causes and forms of global social stratification, as well as the theoretical, methodological, and practical aspects of the system of signs and criteria that determine social stratification and the hierarchical position of social stratification in the context of globalization in the modern world. The article also explores the methods of social differentiation in the context of the

large-scale sociocultural transformations taking place in the 21st century.

Key words: *globalization, social stratification, global social stratification, social and economic stratification, the global information stratification, global political and ideological stratification.*

Simonenko Lyudmila Yurievna, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*

SPIN-код: 7737-0770

E-mail: *simon.alex-2005@mail.ru*

Khomutovskaya Yana Nikolaevna, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*

SPIN-код: 7734-0789

E-mail: *answerbox.gy@yandex.ru*

Cherviak Julia Petrovna, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.*

SPIN-код: 1400-4058

E-mail: *julia080880@yandex.ru*

Статья поступила в редакцию 20.11.2025

УДК 32:004.738.5(0.032)

Черкова М. Ю., Черков В. А.

**ПОЛИТИКА ДЕЗИНФОРМАЦИИ
И РОЛЬ «ЦИФРОВОЙ ГИГИЕНЫ»
В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ**

В статье анализируется феномен политической дезинформации в демократических режимах в контексте цифровой трансформации и распространения социальных сетей и платформ. Показано, как фейковые новости, манипулятивный контент и алгоритмические механизмы рекомендаций деформируют восприятие честности выборов, подрывают доверие к демократическим институтам и усиливают политическую поляризацию. Особое внимание уделяется многоуровневым стратегиям противодействия дезинформации, включающим правовое регулирование, институциональные меры и развитие медиа- и информационной грамотности. Вводится и раскрывается концепция «цифровой гигиены» как регулятивного и образовательного инструмента, направленного на снижение уязвимости граждан к дезинформации, укрепление цифровой гражданской культуры и повышение устойчивости демократических институтов в условиях цифровизации.

Ключевые слова: *политическая дезинформация; фейковые новости; цифровая гигиена; демократические режимы; выборы; социальные сети; медиа-грамотность; информационная безопасность; цифровое гражданство.*

Актуальность. В эпоху цифровизации политическая дезинформация стала ключевой угрозой демократическим процессам. Аналитические обзоры последних лет показывают, что практически все крупные выборные кампании в 2024-2026 гг. сопровождались фрагментарными или системными дезинформационными кампаниями, направленными на подрыв доверия к избирательным органам, инициаторам реформ, а также на нагнетание социальных и межэтнических конфликтов. Иностранное

информационное вмешательство и дезинформация уже зафиксированы как вторая по значимости угроза для демократии после экономической нестабильности [6].

Социальные сети и алгоритмы ускоряют распространение ложной информации, формируя «эхо-камеры» и усиливая поляризацию, что подрывает доверие к институтам и легитимность результатов голосования. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью анализа этих механизмов для понимания эрозии демократии в цифровой среде.

Текущие меры противодействия дезинформации – от регулирования платформ до фактчекинга – часто фрагментарны и не учитывают образовательный аспект устойчивости граждан. В статье предлагается заполнить этот пробел путем интеграции правовых, институциональных и медиаграмотностных стратегий, что особенно актуально в условиях роста иностранного вмешательства и бот-сетей.

Концепция «цифровой гигиены» как профилактического инструмента снижения рисков дезинформации и информационной перегрузки приобретает стратегическое значение для формирования ответственного цифрового поведения. Актуальность темы подчеркивается необходимостью ее внедрения в образование и политику для повышения устойчивости демократий, где традиционные меры недостаточны без индивидуальной и общественной саморегуляции.

Целью статьи является анализ политики дезинформации в демократических режимах и разработка концепции «цифровой гигиены» как комплексного регулятивно-образовательного инструмента для снижения рисков фейковых новостей, манипулятивного контента и информационной перегрузки, что способствует повышению устойчивости демократических институтов и формированию ответственного цифрового поведения граждан.

Объектом исследования выступают демократические режимы в условиях цифровизации, включая избирательные процессы, политическую коммуникацию и цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры), где проявляются механизмы дезинформации и манипуляций.

Предметом исследования выступает взаимодействие политической дезинформации (фейковые новости, манипулятивные приёмы, алгоритмические «эхо-камеры») и концепции цифровой гигиены как системы навыков, норм и образовательных практик, направленных на защиту от дезинформации и укрепление медиаграмотности.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблемы в целом может быть охарактеризована как достаточно высокая в части исследований дезинформации и, одновременно, недостаточная в отношении политико-регулятивного осмысления цифровой гигиены. Политическая дезинформация, фейковые новости и их влияние на электоральные процессы и доверие к демократическим институтам подробно анализируются в работах таких ученых, как М.М. Акулич, А.С. Бабанов, С.А. Бабанов, Е.А. Дарюхина, Т. Иида, П. Джехена, М.В. Лысова, А.В. Мелентьев, С.Е. Нуждин, Н.А. Острякова, Д.В. Руденкин, Е.К. Русинова, Ю. Такахаси, З.З. Шадманов, Х.Л. Эстрада и другие. В то же время концепт «цифровой гигиены» преимущественно разрабатывается в рамках информационной безопасности, психологии и педагогики как совокупность профилактических практик, направленных на снижение киберрисков, информационной перегрузки и деструктивного поведения в сети, тогда как его политико-регулятивный потенциал и роль в устойчивости демократических режимов освещены лишь эпизодически.

Под политической дезинформацией понимается целенаправленное распространение ложных или вводящих в

заблуждение сообщений, рассчитанных на изменение мнения, поведения и выбора граждан в пользу определённых политических сил или повесток [2]. В современных демократических режимах такая практика опирается на цифровую инфраструктуру – социальные сети, мессенджеры, цифровые платформы, – где скорость и масштаб распространения контента превосходят традиционные средства массовой информации (далее – СМИ).

Между тем внутри политической дезинформации можно выделить особую категорию сообщений, которые не просто искажают факты, но и сконструированы таким образом, чтобы вызывать сильный эмоциональный отклик и побуждать к быстрому распространению в сетевой среде. Именно к этому типу целенаправленно продуцируемых и тиражируемых материалов относится феномен фейковых новостей, получивший наибольшее распространение в условиях цифровых коммуникаций.

Фейковые новости (fake news) в политологическом контексте трактуются как умышленно ложные или грубо искажённые сообщения, рассчитанные на максимальное эмоциональное вовлечение и масштабное распространение в цифровой среде. В отличие от случайной ошибки или неточности, фейковые новости характеризуются стратегическим характером их производства и дистрибуции: они выпускаются в определённые моменты кампании, смещены в пользу конкретных политических сил и направлены на дискредитацию оппонентов, демотивацию части электората или поддержание протестных настроений.

Как показывают исследования, основные формы фейковых новостей во время выборов включают:

- ✓ ложные нарративы о «подтасовке» результатов, коррупции кандидатов или поддержке их «врагами»;
- ✓ фальсификацию или подмену данных опросов и прогнозов (в том числе путём создания псевдонаучных «рейтингов»);
- ✓ инсценировки и умышленно вырванные из контекста видеоматериалы, позиционируемые как «доказательства» нарушений [7].

Такие материалы, как правило, имитируют внешние признаки достоверных новостных публикаций (формат, стиль, использование логотипов и «снимков экспертов»), что повышает их убедительность для неинформированной аудитории.

Параллельно с фейковыми новостями в политических кампаниях активно используются манипулятивные приёмы в цифровой коммуникации. Речь идёт о целой системе лексических, визуальных и поведенческих технологий, направленных на эмоциональное включение аудитории, а не на рациональный аргумент.

К числу ключевых манипулятивных приёмов, как правило, относят:

- ✓ «навешивание» ярлыков и дискредитация оппонентов через уничижительные формулировки и сравнения;

- ✓ драматизацию и преувеличение последствий победы/поражения определённой силы («катастрофа», «угроза безопасности», «национальная трагедия»);

- ✓ апеллирование к авторитетам и псевдоэкспертам, чьи «заключения» подменяют фактчекинг;

- ✓ визуальное манипулирование: использование мемов, графики, поддельных документов, отрецензированных фото- и видеозаписей, создающих ложное впечатление о реальных событиях.

Особую роль в усилении эффекта манипуляций играют социальные сети и алгоритмические рекомендации, которые формируют «информационные пузыри» и «эхо-камеры», ограничивая доступ аудитории к альтернативным точкам зрения. В результате пользователи чаще сталкиваются только с теми сообщениями, которые подтверждают уже существующие политические установки, что усиливает партийную поляризацию и устойчивость к фактчекингу.

Вопрос о прямом влиянии фейковых новостей на итоги голосования остаётся предметом дискуссии в политической науке. Ряд исследований указывают на то, что объём реально потребляемой аудиторией дезинформации обычно ниже, чем в публичном дискурсе, поскольку большинство пользователей по-прежнему

опирается на комбинированный набор СМИ, включая традиционные и фактически проверяемые Интернет-ресурсы. В то же время отдельные специалисты подчёркивают, что даже небольшой блок аудитории, системно потребляющей фейковые новости, способен оказывать весомое влияние на итоги узких выборов, особенно в регионах и на локальном уровне [3].

Эмпирические работы по демократическим выборам в нескольких странах показывают, что:

✓ дезинформация чаще всего концентрируется среди политически активных, однако идеологически закрытых групп (сторонники той или иной силы);

✓ вмешательство в виде системного распространения фальшивых нарративов приводит к росту искажённых представлений о «честности» выборов, причём как у победителей, так и у проигравших;

✓ ложные повествования о «фальсификациях», «подтасовке» и «вбросах» используются в качестве политического ресурса для мобилизации протестов и ослабления легитимности власти, даже при отсутствии реальных доказательств [12].

Таким образом, фейковые новости и манипулятивный контент в первую очередь действуют не как инструмент гарантированного перераспределения голосов, а как фактор деформации политической реальности и доверия к процедуре выборов.

Одним из ключевых политических последствий массового распространения фейковых новостей и манипулятивного контента является эрозия доверия к избирательным институтам и демократическим процедурам. Исследования по выборным кампаниям в США, ряде стран Европы и Латинской Америки фиксируют, что чем интенсивнее были дезинформационные кампании, тем выше доля избирателей, склонных считать выборы «несправедливыми», «фальсифицированными» или подконтрольными определённым группам [4].

В рамках концепции «post-truth politics» (политики «постистины») отмечается, что в современных электоральных кампаниях важным становится не соответствие информации объективным фактам, а эмоциональная «запоминаемость» и

повторяемость нарратива. В этой логике фейковые новости и мемы становятся частью политической повестки, а массовое повторение ложных утверждений создаёт иллюзию «общественного знания», которое подвергается меньшей критике.

В результате формируется циклический механизм:

✓ дезинформация усиливает недоверие к демократическим институтам;

✓ недоверие снижает готовность участвовать в политике посредством рационального обсуждения и компромисса;

✓ в вакууме возникает место для новых волн манипуляций и лживых нарративов, которые уже опираются на готовую эмоциональную установку.

Такая динамика особенно опасна для новых или ослабленных демократий, где институты и без того воспринимаются как слабые и коррумпированные.

Современные выборы всё чаще проходят на фоне комбинации внешнего и внутреннего информационного вмешательства. В ряде политологических исследований описывается, как иностранные государства и частные структуры создают сети медиаресурсов, бот-аккаунтов и социальных групп, которые распространяют скоординированные нарративы, направленные на подрыв доверия к действующему правительству, поддержку крайних политических сил или дестабилизацию политической системы.

Внутренние акторы также активно используют эти механизмы: политические партии, пропагандистские группы и частные агентства продукта («политический маркетинг») тиражируют и адаптируют манипулятивный контент под локальную политическую среду.

Ключевую роль в этой динамике играют платформы и алгоритмы социальных сетей, которые: оптимизируют контент по уровню эмоционального вовлечения, а не по его достоверности; усиливают виральность манипулятивных материалов за счёт поддержки и ретрансляции бот-сетей и «мега-инфлюенсеров»; замедляют или ослабляют реакцию на фейковые новости из-за сложности идентификации и юридических ограничений.

В ответ на растущее влияние фейковых новостей и манипулятивного контента государства и наднациональные

институты стали разрабатывать комплексные меры реагирования. Важнейшими направлениями выступают:

1. Правовое регулирование и институциональный контроль (ужесточение требований к прозрачности политической рекламы и финансирования информационных кампаний; создание специальных органов по мониторингу и анализу дезинформации (например, центры по борьбе с информационными манипуляциями при государственных министерствах); укрепление законодательства о вмешательстве в выборы, включая ответственность за распространение заведомо ложной информации, направленной на подрыв доверия к избирательному процессу.

2. Роль медиа-грамотности и образовательной политики. Параллельно с регулированием значимым направлением становится формирование информационной и медиа-грамотности населения. Ряд аналитиков и политологов подчёркивают, что даже при наличии строгого регулирования платформ ключевым фактором устойчивости демократии остаётся готовность граждан критически воспринимать информацию, проверять источники и распознавать манипулятивные приёмы.

В этом контексте образовательные программы и молодёжная политика становятся инструментом, призванным:

- ✓ обучать навыкам фактчекинга и критического анализа источников;
- ✓ формировать устойчивость к «информационной перегрузке» и эмоциональной манипуляции;
- ✓ развивать культуру ответственного поведения в социальных сетях и снижать роль ботов и вирусного контента.

Таким образом, фейковые новости и манипулятивный контент представляют собой не только отдельную коммуникативную проблему, но и структурный элемент современной политической борьбы, который трансформирует условия проведения выборов, формирование общественного мнения и доверие к демократическим институтам. Их воздействие проявляется не только в прямом изменении предпочтений избирателей, но и в формировании искажённых представлений о справедливости и честности выборов, а также в усилении политической поляризации и апатии.

В этих условиях политологическая и практико-ориентированная повестка требует сочетания правового и институционального реагирования (регулирование платформ, борьба с иностранным вмешательством, усиление прозрачности) с инвестициями в образовательную и медиаграмотностную политику. Только такой комплексный подход способен уменьшить влияние фейковых новостей и манипулятивного контента, сохранив за выборами роль легитимного инструмента выражения воли граждан в демократических режимах.

Одним из ключевых направлений такого комплексного подхода становится формирование культуры ответственного и компетентного поведения пользователей в сети, что предполагает не только внешнее регулирование, но и развитие внутренних механизмов самоконтроля в цифровом пространстве. Именно в этом контексте особое значение приобретает концепция цифровой гигиены, рассматриваемая как основа устойчивого взаимодействия человека с информационной средой и важный компонент современной медиа-грамотности.

В условиях устойчивой цифровизации всех сфер жизни цифровая гигиена всё чаще трактуется как интегральный инструмент не только кибербезопасности и личного здоровья, но и как регулятивный и образовательный механизм общественного регулирования. В отечественных и зарубежных исследованиях под цифровой гигиеной понимается система навыков, привычек и регулятивных практик, направленных на снижение рисков, связанных с информационной перегрузкой, дезинформацией, киберугрозами и деструктивным поведением в цифровой среде [5].

В современной науке цифровая (информационная) гигиена рассматривается также как самостоятельное направление гигиенической науки, изучающее закономерности воздействия информационных потоков на психическое и физическое здоровье, уровень когнитивных функций и социальное благополучие индивида и социума [8, с. 57].

В более узко-практическом ключе термин «цифровая гигиена» определяется как набор привычек и правил поведения в интернете, наличие которых позволяет человеку избегать опасностей и рисков,

существующих в киберпространстве (мошенничество, утечки данных, дезинформация, стресс от перегрузки информации) [1]. При этом подчёркивается её профилактическая природа: схоже с классической гигиеной, она направлена не на лечение «цифровых заболеваний», а на их предотвращение.

Регулятивная функция цифровой гигиены проявляется в том, что её нормы и практики становятся основанием для формирования политических и организационных стандартов поведения в цифровой среде. В исследованиях по информационной безопасности отмечается, что цифровая гигиена – это не только индивидуальные привычки, но и система требований, которую организации и государства предъявляют к пользователям [11].

Ключевые регулятивные аспекты цифровой гигиены включают:

✓ правила обеспечения кибербезопасности: использование сложных паролей, двойной аутентификации, регулярное обновление программного обеспечения, осторожность в работе с неизвестными ссылками и вложениями;

✓ нормы цифровой приватности и анонимности: осознанное ограничение раскрытия персональных данных, понимание политики конфиденциальности платформ и сервисов;

✓ этические и нормативные стандарты цифрового поведения: недопустимость кибербуллинга, распространения фейковых новостей, подстрекательства к насилию и злоупотреблений в цифровом пространстве.

Следует отметить, что переход от чисто индивидуальных рекомендаций к институциональным стандартам (кодексы цифровой гигиены для организаций, образовательных учреждений, государственных органов) повышает устойчивость всей цифровой экосистемы к киберугрозам и дезинформации.

Параллельно с регулятивной функцией цифровая гигиена всё активнее конституируется как образовательный инструмент в школе, вузе и дополнительном образовании. В научных работах подчёркивается, что в цифровое общество необходимо встраивать цифровую гигиену как компонент медиа- и информационной грамотности, формирующий критическое мышление, устойчивость к манипуляциям и умение управлять вниманием [9, 10].

В образовательном контексте цифровая гигиена, представляется, должна включать обучение:

- ✓ навыкам фактчекинга и верификации источников (в социальных сетях, мессенджерах, новостных агрегаторах);
- ✓ критическому потреблению информации и распознаванию манипулятивных приёмов (фейков, deepfakes, мемов-пропаганды);
- ✓ управлению цифровым временем и снижению информационного стресса (ограничение уведомлений, регулирование времени в соцсетях, организация «цифровых перерывов»).

Есть основания полагать, что даже краткосрочные программы по цифровой гигиене и медиа-грамотности способны существенно снизить уровень уязвимости пользователей к дезинформации и кибермошенничеству и повысить уровень цифрового самоконтроля.

В контексте молодёжной политики цифровая гигиена становится инструментом формирования цифровой гражданской культуры. В политологических исследованиях подчёркивается, что молодёжь, обладающая навыками цифровой гигиены, чаще демонстрирует более взвешенные и критически ориентированные политические предпочтения; отсутствие же цифровой гигиены и медиа-грамотности усиливает влияние пропагандистских и дезинформационных кампаний на молодёжную аудиторию.

В этой связи ряд аналитиков предлагает включать цифровую гигиену в программы политического образования, медиа-, цифровой грамотности и гражданского воспитания, рассматривая её как инструмент, параллельный юридическим и техническим мерам по обеспечению информационной безопасности [1].

В научных работах по цифровой гигиене всё активнее используется экологический и профилактический язык: цифровую среду рассматривают как «цифровую экосистему», а цифровую гигиену – как инструмент её оздоровления и нормализации. Подчёркивается, что чрезмерное потребление информации, постоянная цифровая стимуляция и деструктивное поведение в сети ведут к росту информационного стресса, ухудшению качества сна, снижению концентрации и когнитивной устойчивости, особенно среди молодёжи.

В этих условиях цифровая гигиена выступает как инструмент общественного здоровья, сочетающий:

- ✓ рекомендации по снижению цифрового шума и стресса;
- ✓ формирование устойчивых поведенческих паттернов (например, режим «цифровой разгрузки», регламентированное время использования гаджетов);
- ✓ интеграцию цифровых привычек в систему общих гигиенических и профилактических мер.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что цифровая гигиена во всё большей степени конституируется как регулятивный и образовательный инструмент, который позволяет обществу снизить риски, связанные с цифровизацией, информационной перегрузкой и дезинформацией. В регулятивной плоскости она формирует нормы и стандарты безопасного цифрового поведения для организаций и государственных структур; в образовательной – выступает как элемент медиа- и цифровой грамотности, формирующей у граждан критическое мышление, устойчивость к манипуляциям и ответственное отношение к цифровой среде.

С учётом роста влияния цифровых технологий на политические и социальные процессы, дальнейшее развитие концепции цифровой гигиены требует системной интеграции её в нормативно-правовое регулирование, образовательные программы и политики общественного здоровья, рассматривая её как необходимый инструмент устойчивости демократических и цифровых обществ.

Вопрос о реальной эффективности цифровой гигиены заключается не в её абсолютной «победе» над дезинформацией, а в качественном изменении баланса рисков. Эмпирические данные позволяют выделить несколько ключевых эффектов:

- ✓ снижение уязвимости аудитории: образовательные программы по медиа- и информационной грамотности показывают, что даже краткие фактчек-тренинги и дискуссии с реальными примерами дезинформации повышают уровень скептицизма и осторожности в пересылке и распространении контента.

✓ укрепление демократической культуры: у стран с высоким уровнем образования, развитыми традициями медиа-грамотности и культурой критического мышления (например, Финляндия, Дания)

отмечается большая устойчивость к иностранным дезинформационным кампаниям.

✓ формирование «экосистемы ответственных пользователей»: когда в вузах, школах и молодёжных организациях отдельные группы участников обучены цифровой гигиене, они выступают в роли внутренних «фильтров» и распространителей корректной информации, что снижает токсичность и скорость распространения дезинформации.

В то же время, отметим, цифровая гигиена не отменяет необходимости государственного регулирования, прозрачности алгоритмов платформ и борьбы с бот-сетями. Без институционального уровня регулирования даже самые осознанные пользователи сталкиваются с «инфополлюцией» и перегрузкой, которые сводят к нулю индивидуальные навыки.

Политика дезинформации в демократических режимах складывается из сложного взаимодействия субъектов государственного и частного сектора, алгоритмического управления вниманием и цифровой поведенческой инфраструктуры. Фейковые новости, манипулятивный контент и бот-сети оказывают заметное влияние на выборы, политическую коммуникацию и уровень доверия к институтам, способствуя росту цинизма, апатии и радикализации.

В этих условиях политика цифровой гигиены выступает как нижний, но стратегически важный уровень защиты демократии: она не может полностью «погасить» дезинформацию, однако позволяет существенно смягчить её последствия за счёт повышения уровня критического мышления, медиа-грамотности и информационной самодисциплины граждан. Таким образом, для демократических государств оптимальным форматом становится сочетание правового регулирования, технологических мер против ботов и системной работы по формированию информационной гигиены в образовательных и общественных институтах.

Список литературы

1. Акулич, М.М. Цифровая гигиена как фактор информационной безопасности / М.М. Акулич, Е.К. Русинова // Экономическая безопасность

страны, региона, организаций различных видов деятельности: материалы Четвертого Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности (г. Тюмень, 19-22 апреля 2023 г.) / отв. редактор Д.Л. Скипин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. – С. 254-258. – URL: <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/32034> (дата обращения: 02.03.2026).

2. Борьба с дезинформацией и информационными манипуляциями как насущная необходимость. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/борьба-с-дезинформацией-и-информационными-манипуляциями-как-насущная-необходимость_ru (дата обращения: 01.03.2026).

3. Влияние социальных медиа на результаты выборов и политические процессы. – URL: <https://vc.ru/id5099576/2172317-vliyanie-sotsialnykh-media-na-vybory-i-politicheskie-protsessy> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Иида, Т. Фейк-ньюс и их влияние на выборы: эксперимент с опросом в Мексике / Т. Иида, П. Джехена, Х.Л. Эстрада, Ю. Такахаси // ИИ и ОБЩЕСТВО. – 2022. № 39 (3). – URL: https://www.researchgate.net/publication/362226080_Fake_news_and_its_electoral_consequences_a_survey_experiment_on_Mexico (дата обращения: 02.03.2026).

5. Мелентьев, А.В. Цифровая гигиена: проблемы биоэтики и профилактика информационного стресса. Аналитический обзор / А.В. Мелентьев, С.А. Бабанов, М.В. Лысова, Е.А. Дарюхина, А.С. Бабанов, Н.А. Острякова // *Социальные аспекты здоровья населения* [сетевое издание]. – 2025. – № 71 (6). – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/188430/lang,ru/> (дата обращения: 02.03.2026).

6. Нуждин, С.Е. Основные способы манипуляции политическими рейтингами / С.Е. Нуждин. – URL: <https://uiamp.org/osnovnye-sposoby-manipulyacii-politicheskimi-reytingami> (дата обращения: 01.03.2026).

7. Проблема не в дезинформации. – URL: <https://www.ipg-journal.io/ru/rubriki/demokraticeskoe-obshchestvo/problema-ne-v-dezinformacii-2103/> (дата обращения: 01.03.2026).

8. Руденкин, Д.В. Цифровая гигиена в фокусе анализа с социально-гуманитарной науки: основные векторы исследований и их эвристические возможности / Д.В. Руденкин // *Социальная реальность виртуального пространства: Материалы III Международной научно-практической конференции, Иркутск, 20 сентября 2021 г.* / под общ. ред. О.А. Полюшкевич. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. – С. 55-60.

9. Салита, А. Цифровая гигиена: определение и основные рекомендации / А. Салита // Академия Selectel. – URL: <https://selectel.ru/blog/digital-hygiene/> (дата обращения: 02.03.2026).

10. Черков, В.А. Риски и ограничения искусственного интеллекта в образовании: почему не стоит переоценивать его возможности / В.А. Черков, М.Ю. Черкова // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Сборник трудов (к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне). Кострома, 2025. С. 352-357.

11. Шадманов, З.З. Цифровая гигиена: важность и лучшие практики / З.З. Шадманов // Raqamli iqtisodiyot (Цифровая экономика). – 2025. - №10 – С. 190-198. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-gigiena-vazhnost-i-luchshie-praktiki> (дата обращения: 02.03.2026).

12. Bernal, N. Facebook approved fake Brexit ad ‘paid for by Cambridge Analytica’ / N. Bernal // The Telegraph. – 2018. – October, 31. – URL: <https://www.inventiva.co.in/tech/facebook-approved-fake-political-ads-paid-for-by-cambridge-analytica/> (дата обращения: 01.03.2026).

Черкова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 8756-2616,

E-mail: marina.cher.80@mail.ru

Черков Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля г. Луганск.

SPIN-код: 6523-8469,

E-mail: vladimir_cherkov@mail.ru

Cherkova M.Yu., Cherkov V.A.

***POLITICS OF DISINFORMATION AND THE ROLE OF
«DIGITAL HYGIENE» IN DEMOCRATIC REGIMES***

The article examines political disinformation in democratic regimes in the context of digital transformation and the growing role of social media and online platforms. It demonstrates how fake news, manipulative content, and algorithmic recommendation systems distort perceptions of electoral integrity, undermine trust in democratic institutions, and intensify political polarization. Particular attention is paid to multi-level responses to disinformation, combining legal regulation, institutional safeguards, and the development of media and information literacy. The concept of “digital hygiene” is introduced and elaborated as a regulatory and educational tool designed to reduce citizens’ vulnerability to disinformation, strengthen digital civic culture, and enhance the resilience of democratic institutions in an increasingly digital environment.

Keywords: *political disinformation; fake news; digital hygiene; democratic regimes; elections; social media; media literacy; information security; digital citizenship.*

Cherkova Marina Yuryevna, PhD in Law, Associate Professor, Senior Research Officer, Associate Professor at the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 8756-2616,

E-mail: *marina.cher.80@mail.ru*

Cherkov Vladimir Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor, Senior Research Officer, Associate Professor at the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 6523-8469,

E-mail: *vladimir_cherkov@mail.ru*

Статья поступила в редакцию 18.10.2025

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 4(4) 2025

Ответственный за выпуск

О. Г.Мазур

Технический редактор

А. Е. Гриниченко

Подписано к печати 26.12.2025
Формат 60 x 84 /16. Бумага офс. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Услов. печ. л. 7,5.
Тираж 100 экз. Изд. № 01568. Цена договорная.

**Издательство
Луганского государственного университета
имени Владимира Даля**

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а

e-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com